

БИБЛИОТЕКА КИНОДРАМАТУРГИИ

ВИТАУТАС ЖАЛАКЯВИЧЮС

НИКТО НЕ ХОТЕЛ УМИРАТЬ

Киносценарий

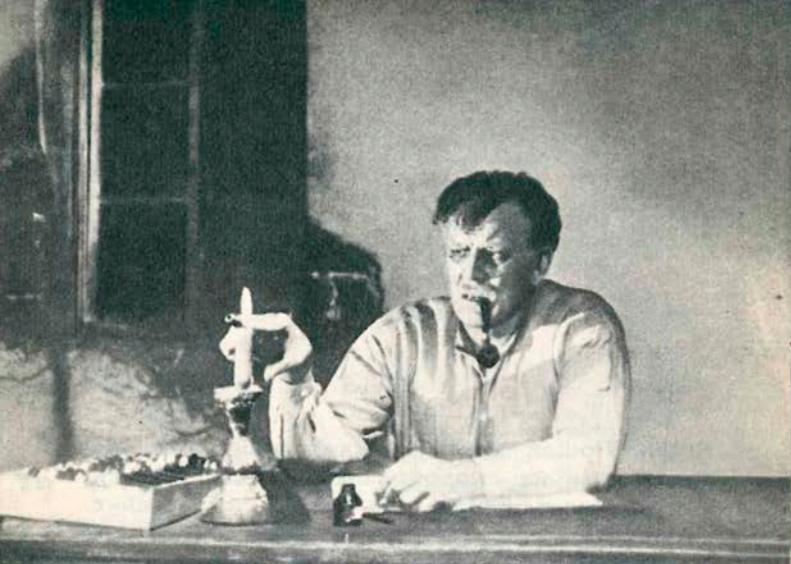

Издательство «Искусство», Москва, 1966

Перевод с литовского
Г. Кановичюса

Литва. Пшел второй послевоенный год, но земля еще не плодоносила. В лесах таились вооруженные банды, состоящие из бывших полицейских, офицеров и кулацких сынов. И с каждым днем зрела их безнадежная ненависть к тем, кто землю пахал, кто веселые песни пел. Невтерпеж стало крестьянам...

Локис хотел отщипнуть обуглившийся фитиль свечи и обжегся. Он послюнявил толстые загрубелые пальцы, потом взял револьвер и стволом сшиб кончик фитиля. В контуре посветлело. Локис бросил револьвер на замасленное сукно, покрывавшее стол, рядом с круглой печатью и связкой ключей. Сгорбившись, он выстраивал цифры в неровные колонки и не думал о смерти. Когда с улицы выстрелили ему в затылок, Локис замотал головой, словно не соглашаясь. Потом рухнул на стол. В луже крови намокло перо, которое человек все еще держал в непривычной к письму руке. В контуре ввалились мужчи-

ны. В четвером схватили Локиса за ноги и выволокли на улицу, стреляя в воздух из обрезов.

Крестьяне замерли в домах с наглухо закрытыми дверьми и про себя чертыхались. Кто мог — молился. Когда надоело стрелять, бандиты затянули песню, слов которой никто не знал.

Прокричали петухи, но деревня не шелохнулась. Люди смотрели сквозь щели ставен на площадь, посреди которой лежал Локис*. Тело его было громоздким, как стог сена, казалось, оно могло принадлежать двум трупам.

* Локис — медведь (лит.).

Из дома вышла старуха, неверной походкой подошла к убитому и осторожно опустилась у него в головах. Показался и сын. Он не отважился приблизиться к покойному. Стоял поодаль, обхватив руками голову, долговязый и юный; потом бросился бежать.

У монастырской ограды остановился грузовик. В кузове на гробе из белых досок между вооруженными милиционерами сидел растерянный молодой Локис. Из кабины вылез тощий, как обглоданная кость, человек. Глаза его были красными от бессонницы. Он держал в руке фетровую шляпу, не чищенную с довоенных времен.

— Один зайдешь? — спросил он.

Яунис Локис покачал головой. Казалось, он не хотел вылезать из машины.

— Пошли.

Яунис выскочил из кузова и побрел за мужчиной.

Во дворе монастыря под сводом старых каштанов больные резались в карты. Издали казалось, будто на лужайке сушатся пижамы.

— Полундра! — сказал один из игроков, и больные попрятали карты под полами пижам. Подошла сестра, вся в белом, с волосатой бородавкой на щеке.

— Локис, — сказала она.

— Больше не буду, — ответил больной, у которого видна была только спинка.

— Кто разрешил вам вставать с постели?

— Больше не буду,—спина заметно подрагивала от смеха.

— Вы прекрасно знаете — в больнице играть в карты запрещено.

— Неужели? — удивилась спина. — Во всех больницах на свете только и делают, что режутся в карты и сводят с пути истинного сестер.

У сестры дрогнула бородавка на щеке.

— Вставайте, — сказала она. — Вас привели навестить.

Она нагнулась и подала ему костили.

По тропинке медленно шли Яунис и тощий человек. Казалось, каждый из них старается идти медленнее другого. Увидев гостей, Бронюс Локис бросил сестру и, пытаясь в широких штанах, размахивая костилями, как обищипанными крыльями, побежал им навстречу. Обнял брата.

— Смотри, осторожно, — рассмеялся Бронюс, когда Яунис положил ему руки на плечи. Потом стукнул Яуниса по шее. От радости Яунис качнулся и, пятясь, отступил на лужайку.

— Слышал, делали тебе операцию? — спросил человек в фетровой шляпе.

— Открылись старые дыры, секретарь, — обнял его Бронюс. — Оказывается, до сих пор носил в теле немецкое железо. Грамм сто. В четырех кусках.

Казалось, это его потешало. Мужчина в фетровой шляпе был на две головы ниже Локиса. Заключив его в объятия, Бронюс

костилем прижал ему нос. Фетровая шляпа глянула на Яуниса, но тот не обнаруживал желания начать разговор.

— Вашего отца... убили, — сказал секретарь вполголоса, но все услышали. — Вчера...

— ...
Локис, должно быть, стиснул тощего, так как у того на лбу вздулись вены.

— На-цио-о-налисты, — прохрипел человек задыхаясь. — Пу-у-усты. Пу-у-у...

Сестра и Яунис еле освободили его с криками:

— Уважаемый!
— Бронюс!
— С ума сошел!
— Уважаемый!

Локис стоял окруженный людьми и озирался.

— Его одного? — спросил он.

— Да.

— Да, — кивнул Яунис.

Бронюс швырнулся в траву костыли, поежился, потом глянул на сестру с бородавкой.

— Дайте, уважаемая, мою одежду.

— Без разрешения хирурга? Не пущу!

— Одежду, — буркнул Бронюс. — Или я увезу вашу пижаму. Одежду, черт побери!

— Нет, — сказала сестра, и все видели, что она не уступит. — Нет.

— Сестрица, — Локис взял ее за руку. — Ангел мой. Принесите мою одежду, чтоб другие не видели... При первом же случае я вернусь в вашу больницу. Я ведь даже партию в рамс не доиграл. Вы же знаете, мне нельзя волноваться. Вредно. Не так ли?

— Иду, — сдалась сестра и в самом деле пошла по тропинке.

Локис присел несколько раз, пнул ногой костыли и последовал за сестрой. Длинный. Прямой. С болью в спине.

«Форд» выкатился на берег реки и прокрипел клаксоном. Люди, работавшие у моста, обернулись. Бронюс, ладонью прикрывая от солнца глаза, смотрел на стоящих в воде.

— Донатас! — крикнул он. — Донатас!

Черноволосый мужчина отпустил конец бревна, который придерживал плечом, вышел из воды и побрел к машине.

— Отца убили, — сказал Бронюс, когда тот приблизился.

— Так... — протянул Донатас. Секретарь приподнял шляпу, здороваясь, Бронюс втащил брата в кузов, и Донатас увидел, что милиционеры сидят на гробе. Машина затарахтела по влажному песку сосняка.

«Форд» въехал в местечко и остановился возле школы. Донатас выскочил из машины и забаранил по оконному стеклу.

— Миколас! — позвал он.

Учитель открыл окно.

— Отца убили, — сказал Донатас.

Миколас заметил машину.

— Погодите. — И закрыл окно.

Донатас видел, как он вернулся к доске, где стоял школьник. Мальчик чертил треугольник и все поглядывал в окошко. Донатас отошел в сторону. Под окнами проковыляла хромоногая сторожиха, позванивая колокольчиком.

Миколас написал на доске номера задач.

— Вот вам задание на дом, — сказал он. — Завтра уроков не будет. Я уезжаю.

— Ура! — закричали ребята. — Ура! Ура!

Грузовик катил по большаку, петлявшему между двумя рядами тополей. Сидевшие в кузове милиционеры вполголоса говорили о

том, что западные союзники — проститутки, а крестьяне при немцах заделались спекулянтами.

Ветки без устали хлестали сидевшего на правом борту Донатаса. Донатас не выдержал и застучал по крыше кабинки. Высунулась голова в шляпе.

— Чего?

— Скажи шоферу, пускай держится левой стороны, — сказал Донатас.

Секретарь не понял.

— Пусть держится левой стороны.

Машина выехала на левую сторону дороги, и ветки теперь стали хлестать Миколаса. Тот опустился на дно кузова и уперся длинными ногами в гроб.

— Отцу кто-нибудь угрожал? — спросил он у Яуниса.

— Получил как-то раз записку. Было написано: «Будешь председателем — кокнем. Домовой».

— Домовой? — буркнул усатый милиционер. — Я много о нем слышал. Но, говорят, никто его не видел. Все чужими руками делает. Рассказывали такую историю...

Раздались выстрелы, и сидевшие на гробе милиционеры попадали навзничь. Было слышно, как пули вгрызаются в доски кузова.

Донатас выхватил автомат из рук милиционера и ударил прикладом в крышу кабинки:

— Остановись!

Машина сбавила скорость. Бронюс повалил Донатаса на пол и закричал шоферу:

— Вперед!

В гробу зияла дырка от пули. Вокруг нее белели щепки. Миколас ножом стесывал их.

— Надо было остановиться, — опомнился Яунис. Лицо его было в пятнах. Молчали. Каждый думал о своем. Донатас задыхался от ярости.

Машина въехала в пустынную деревню и остановилась возле дома Локисов. Братья внесли гроб в сени и поставили его в угол, ставили с головы шапки и медленно, словно нехотя, прошли в избу. Отец лежал на доске. У изголовья молилась жена соседа, бездетная Марцинкене. Братья сделали вид, будто не заметили креста, вложенного в руки Локиса. Мать была в другой комнате. Она не спала. Лежала и ждала с закрытыми глазами. Когда братья вошли в комнату, она заголосила. Никто ее не утешал. Сыновья поцеловали ей руку и ссутулились у стены.

Возле матери сидела пышноволосая девушка с высокой грудью. Она смачивала в тазу полотенце и прикладывала его ко лбу старухи.

— Кто это? — тихо спросил Донатас. Яунис только кивнул головой.

У Донатаса стучали зубы — как вылез из воды, так и остался в мокрых штанах и набухших ботинках.

— Поищи для меня сухие штаны, — сказал он Яунису.

Оба неслышно вышли из комнаты.

Вскоре выбрался и Миколас, спотыкаясь о винтовки милиционеров. У матери иссякли слезы, и она открыла глаза.

— Ты его видел? — спросила она у Бронюса.

— Да, мама.

— Какой он стал мертвый, господи! — простонала старуха. — Я не думала, что он может быть такой.

Бронюс поцеловал ее морщинистую, будто в овчинной рукавице, руку. Она заморгала лишенными ресниц веками, потом проговорила:

— Разве същется сегодня больший нищий, чем наш отец? Отмерят два метра красной глины — и вечный покой.

— Он оставил четырех сыновей, — сказал Бронюс.

— Почему ты говоришь: «Он оставил»? Вы мои сыновья. — Бронюс не спорил. — Ксендза позовите на похороны, — попросила мать после паузы.

Бронюс знал, что она это скажет.

— Нет, — твердо сказал он.

— Бронюс, — снова заморгала старуха. — Ты всегда был у меня самым дорогим. Ты первенец. Знать не знаешь, сколько намучилась, когда тебя носила. Позови ксендза.

— В корчму отец охотнее ходил, чем в костел, — пробормотал Бронюс. — Нет.

Сосед Марцинкус пахал свой надел. Оглянувшись, он увидел Миколаса и незнакомого мужчину в фетровой шляпе.

— Бог в помощь, — сказал Миколас, подходя к Марцинкусу.

— Спасибо. Спасибо.

— Марцинкус. Помогал отцу председательствовать, — представил его Миколас своему спутнику. Тот подал пахарю костлявую пятерню.

— Царство ему небесное, — вспомнил Марцинкус.

Помолчали. Конь помахивал хвостом, отгоняя слепней. Разговор не клеился. Ни о погоде, ни об урожае. Миколас покусывал былинку.

— Место председателя свободно, — не выдержал секретарь.

— Het! — воскликнул Марцинкус и огляделся. Вокруг не было никого. Только они трое и лошадь.

— Власть должна быть, — сказал секретарь, комкая в руках шляпу. — Порядок.

Марцинкус плел кнут.

— Учитель знает, — повел плечами крестьянин. — Я при немцах партизанам чем только мог... Может, не акти сколько имел, другое дело.

— Да, — сказал Миколас. Выплюнул былинку и лег ничком. — Помогал он нам.

— А теперь почему «нет»? — спросил секретарь.

— Известное дело, — сказал Марцинкус. Заржала лошадь, и крестьянин вздрогнул.

— Землю буду пахать, — сообщил Марцинкус, — пока конь есть.

Помолчали.

— Которая изба Поцюса? — спросил секретарь. Он встал и смахнул с брюк соломинки.

— Вон та, — показал Марцинкус и замотал головой. — Не пойдет он. Ни за какие деньги. Шуточное ли дело? Каждому милее смотреть в хвост коню, чем в лица ангелам.

Секретарь зашагал прочь, осторожно ступая по свежим бороздам. Встал и Миколас. Помолчал.

— А ты-то как живешь? — спросил он у Марцинкуса.

— Здоровья не занимать, — ответил Марцинкус. — Не жалуюсь.

Когда Миколас ушел, Марцинкус стегнул кнутом лошадь и озабоченно зашагал по борозде.

Некоторое время он думал о старице Локисе, о том, кому теперь быть председателем, и был рад, что удалось отвертеться. «Моя хата с краю. Пускай горожане разбираются». Успокоившись, Марцинкус начал чаще размахивать кнутом. Задумался о семенах. Вспомнил, что остался должен Локису полмешка.

За столом сидели секретарь и Миколас. Толковали о политике, об атомной бомбе и жевали сало. Поцюс дымил трубкой и делал вид, что слушает. Под загорелым лбом хитровато бегали продолговатые, как черные фасолины, глазки. Вошел Бронюс и остановился у печки. Снова проснулась боль в спине, и сесть он побоялся.

— Чего вы тут гвозди в паклю заворачиваете? Хотите меня на место Локиса определить? — вдруг оборвал Поцюс секретаря. — За что? Чем властям не угодил?

— Ты свой человек, — просто сказал секретарь. — Неужто это наказание?

— Своих людей беречь нужно, — криво усмехнулся Поцюс.

Секретарь насторожился, но тот больше ничего не добавил.

Поцювене поставила на стол борщ. От горячей картошки в глиняной миске шел пар. Запахло укропом. Секретарь и Поцюс принялись за еду. За стеной заплакал ребенок.

— Хозяйка моя неделю назад разрешилась, — оправдывался Поцюс. — Рано оставлять сиротами. Верно?

Бронюс ел стоя. Сплюнув, он сказал секретарю:

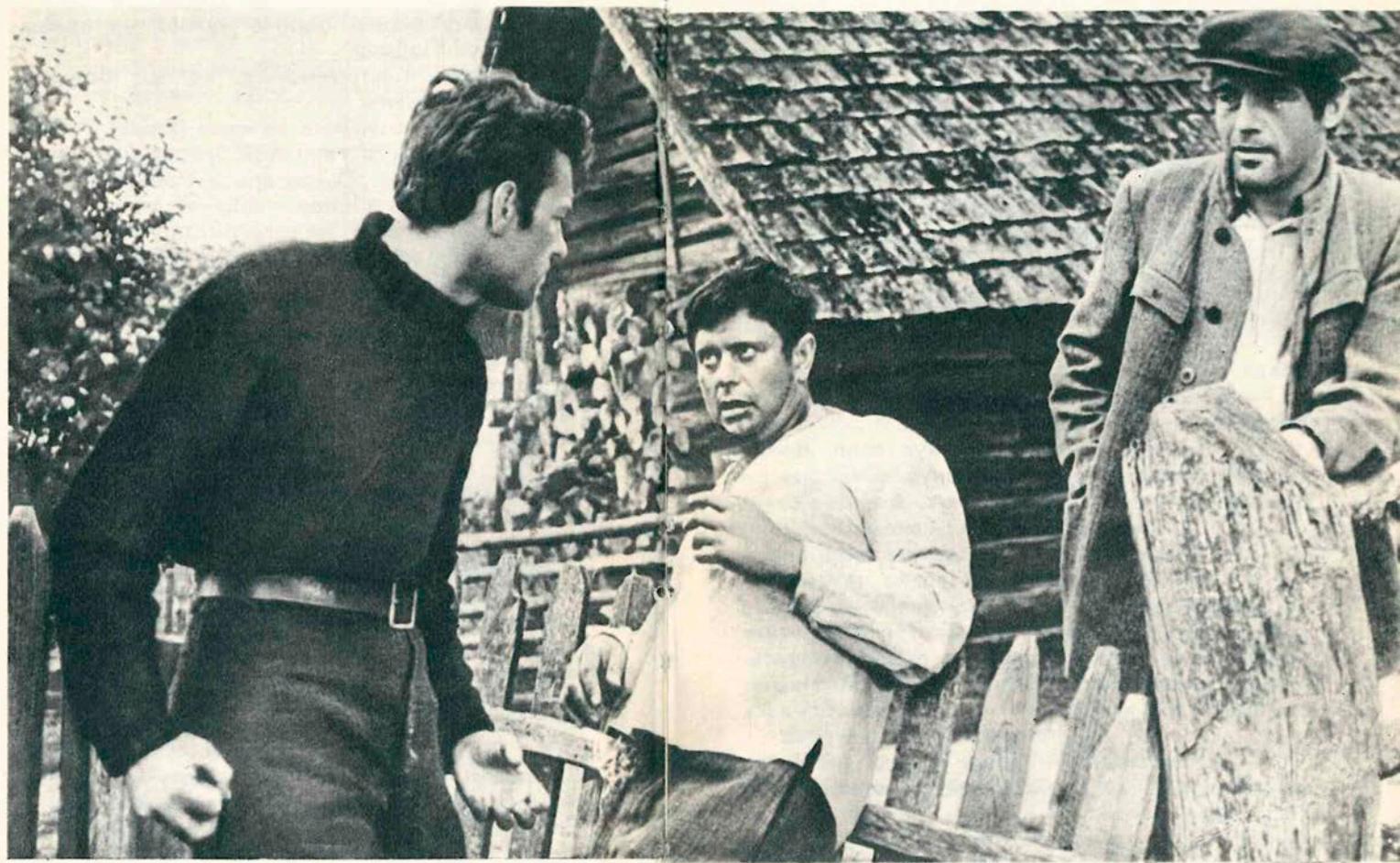
— Поцюс правильно предлагает. Своих людей беречь надо.

— Разве он что-то предлагает? — спросил секретарь, перекатывая во рту картофелину. — Беречь! А как сбережешь? Господа бога, что ли, просить?

Братинны штаны были узки Донатасу в поясе, и он разрезал их сбоку. Перепоясался солдатским ремнем, сунул ноги в деревянные башмаки и спрятал под гимнастерку револьвер. Яунис повел его через площадь в мастерскую сапожника.

— Где сынок? — крикнул Донатас с порога.

Сапожник сидел, держа во рту гвозди, и чинил ботинок. От страха он начал икать. Они обошли дом, но сына сапожника нигде не было. Сапожник замычал, начал что-то пока-

зывать пальцами. Но братья не поняли немого.

— Черт с ним. Пошли к святому Юозапасу, — сказал Яунис. — В ресторан.

Огородами они подошли к избе с побеленными ставнями, пересекли двор и направились на сеновал. Под навесом за столом из неструганых досок, завернувшись в тулуп, сидел старичок. Он не взглянул на пришедших. Потягивал из эмалированной кружки самогон и изредка нюхал ломоть свежеиспеченного хлеба.

С сеновала вылез плечистый мужчина. Казалось, он обрадовался гостям.

— Здорово, святой Юозапас, — приветствовал его Яунис. — Где Вайткус?

— Сапожников сынок, что ли? — спросил Юозапас. — А вон...

Он показал на сани. Вайткус спал. Когда братья подошли, он перевернулся на другой бок и натянул на голову кожух. Донатас схватил спящего за волосы и рывком поставил на ноги. Потом сильным ударом опрокинул на пол. Вайткус полежал, встал на четвереньки, осоловело огляделся и поднялся. Донатас ударили по небритой щеке, и тот опять повалился в угол. И даже не пытался встать. Может, решил, что на полу надежней. Из избы выбежала женщина и с криком бросилась к Донатасу.

— Вон отсюда! — кричала она. — У себя дома кулакам волю давайте. Бога не боитесь. Язычники!

Это была жена самогонщика. Донатас едва увернулся от ее кулаков. Хозяин, которо-

го называли святым, схватил Ону и потащил в избу.

— Не бабье это дело, — выговаривал он со значением, — лезть в политику. Поняла? Пусть потолкуют, если есть о чем.

— Вставай, — сказал Донатас.

Вайткус встал. Донатасу показалось, что он не очень испуган.

— Вайткус? — спросил Донатас.

— Вайткус.

— Был в лесу с бандитами?

— Да. Год.

Вернулся святой Юозапас.

— Еще пить будешь? — спросил он у старичка. Тот не ответил. Сидел и по-прежнему нюхал ломоть.

— Ступай домой, — предложил ему хозяин. — Чего тебе тут мучиться?

Старик покорно встал и, покачиваясь, удалился.

— Домового знаешь? — спросил Донатас у Вайткуса.

— Нет, — быстро ответил Вайткус. Он хотел прислониться к саням.

— Стоять! — крикнул Донатас, и Вайткус выпрямился.

— Я амнистирован, — проговорил он. — Живу легально. По документам. Есть закон насчет амнистии.

— Знаю, — отрубил Донатас. — Ты не первый.

— Пить хочется, — сказал Вайткус Юозапасу.

— Не дам, — ответил Юозапас.

— Дай, — повернулся Донатас. Юозапас налил. Вайткус глотнул и выплюнул.

— Кто кормит людей Домового?

— Не знаю.

Сын сапожника попятился.

Донатас снова ударил его в лицо, но тот устоял. Он ошалел от самогона и от ударов. В глазах его нельзя было распознать ни правды, ни обмана.

— Не знаю.

— Кто стрелял в отца?

— Не знаю.

— ...

— Не знаю.

— Узнай! — прохрипел Донатас. — Пойди и узнай, кто стрелял в Локиса. Даю тебе три дня срока.

— Только ты его и увидишь, — вмешался Яунис. — Пойдет и останется в лесу.

— Никуда он не денется, — пробурчал Донатас. — Не бросит отца на произвол судьбы. Правда?

Святой Юозапас кивнул головой. Не бросит. Он соломой вытирая залитую самогоном лавку.

— Ведь не бросишь? — обратился к Вайткусу Локис. — Отец — всегда отец! Не так ли?

Хозяин снова кивнул головой. Отец — всегда отец. Сын сапожника молчал.

— Хватит, намучились, — кипятился Донатас. — Не явишься через три дня с известием, всех перестреляю. Родню и не родню. Око за око.

Во двор вошел усатый милиционер. Впереди себя он гнал сапожника.

— Секретарь велел привести в контору Вайткуса, — сказал усатый Донатасу. — Только не сказал — отца или сына. Я думаю, доставлю обоих. Секретарь сам выберет, который нужнее.

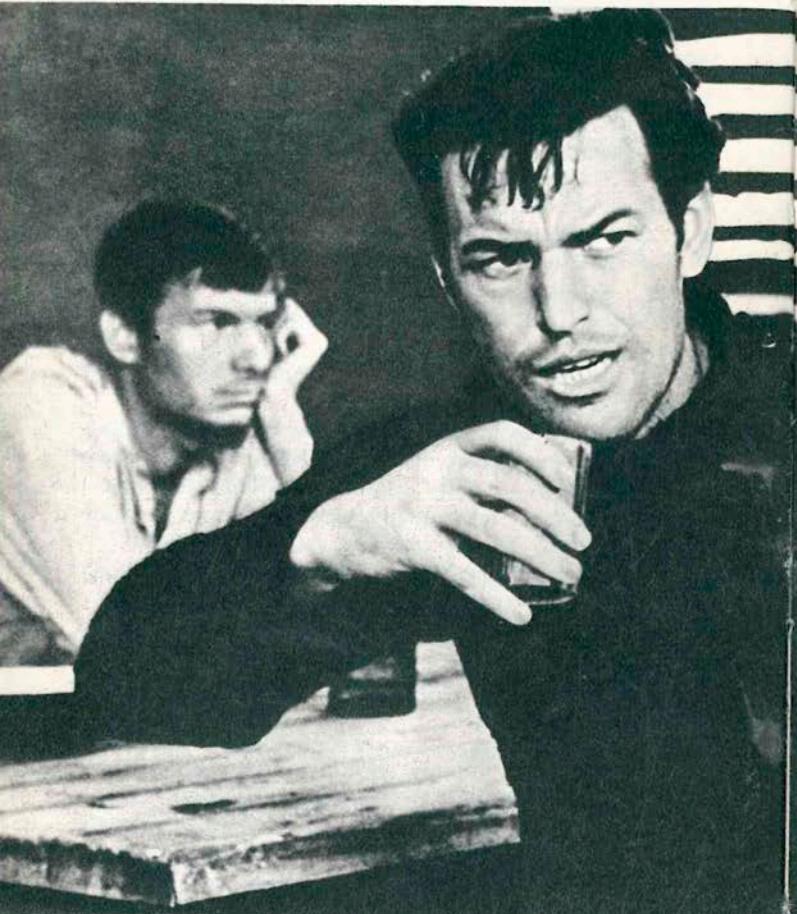
— Сынка веди, — указал Донатас на парня.

— Я думал обоих привести, — повторил милиционер.

— Сынка! Не слышишь, что ли? — рассердился Локис.

— Как знаете, — проворчал усатый.

Вайткус послушно последовал за милиционером. Сапожник озирался вокруг телячьими глазами. Во рту у него все еще торчали гвозди. Потом рысцой бросился вслед за сыном. По двору, неся коромысло с пустыми ведрами, прошла Она.

— Огонь у тебя баба! — сказал Донатас Юозапасу и, опрокинув кружку, вытер рукавом рот.

— Разве плохо? — удивился Юозапас. Взгляд его был спокоен.

Секретарь сидел в кабинете за столом и разглядывал запекшуюся на сукне кровь. В оконном стекле зияло отверстие, напоминавшее звезду. Бронюс разглядывал осколки.

— Запаха пороха не осталось, — Он обнюхал стекло. — Но стреляли с близкого расстояния. С подоконника, вероятно...

Раздались шаги, заскрипел гравий за окном, и пришли те, кого ждали. Усатый милиционер втолкнул в кабинет молодого Вайткуса. Тот невольно огляделся. Он заметил подсвечник на полу и пепел. И засохшую струйку крови от стола до окованного жестью порога. И темные пятна на сукне. И отверстие в оконном стекле, похожее на звезду, и расстрелянный государственный герб над головой секретаря. Никто не мешал ему настытить любопытство.

— Познакомимся, — наконец сказал секретарь. — Какие у тебя отношения с Советской властью?

Вайткус сгорбился.

— Нормальные, — еле слышно произнес он. — Я никого не убивал. Меня амнистировали.

— Знаю, — сказал секретарь. — А как ты попал к Домовому? Человек грамотный как-никак...

— Время было такое, — тихо промолвил Вайткус.

— Какое — «такое»?

— ...

— А почему ты вышел из леса?

— Ясно почему, — сердито сказал сын сапожника.

— Что «ясно»? — спросил Бронюс.

Вайткус, казалось, только теперь обратил внимание на Локиса.

— Отца пожалел, — буркнул он.

Бронюсу хотелось вытащить револьвер и выстрелить. Он отвернулся.

— И себя? — спросил секретарь.

— Ясно, — пробормотал сын сапожника. — И отца.

— Где работаешь? — спросил Локис.

— Где попало... На мельнице, при дороге... Какая здесь работа? А в город не пускают, — пояснил Вайткус.

— Дадим тебе работу, — неожиданно громко заявил Локис. Но Вайткус не поверил.

— Будешь председателем Совета.

В простреленное окно задувал ветер и ерошил волосы Вайткуса. Под глазами сияли свежие синяки.

— Садись, — предложил секретарь. Вайткус повернулся к лавке.

— Нет, нет, за стол садись...

Тот примостился на краешке стула.

— Смело садись! — воскликнул секретарь. — Здесь будет твоя кабинета... Вот ключи. Круглая печать... Отвечать будешь.

Мужчины пристально глядели на сына сапожника, но тот молчал.

— Жалованье положим, как подобает. Проворуешься — карать будем.

— Не справлюсь, — сказал Вайткус так тихо, что никто не расслышал. — Не справлюсь, — повторил он громче.

— Поможем, — промолвил Бронюс.

Вайткус снова глянул на Локиса. Они были знакомы съзмальства. Секретарь отошел к дверям.

— Не станут меня люди слушать, — воскликнул Вайткус.

— От самого будет зависеть, председатель, — сказал секретарь и нахлобучил шляпу. Он минутку постоял, словно раздумывал, подать ли на прощание руку. — От самого, — повторил он. — Оставлю тебе трех милиционеров для охраны. Хватит?

— Да, — сказал сын сапожника.

Они вышли, и новый председатель остался один в пустой, со следами пролитой крови комнате.

Посреди площади мужчины остановились и посмотрели друг другу в глаза.

— Авантура, черт побери, — засмеялся секретарь. Он был в хорошем настроении.

— Наши ошибки — наши резервы, — буркнул Локис.

— Что ты думаешь делать дальше?

— Хочешь, чтобы я остался в деревне? — прямо спросил Бронюс.

— Да. Хотя бы ненадолго. Видишь, девишки... Потолкай с братьями. Должен ведь кто-нибудь взять оружие и защищать...

— Мертвых? — прервал его Бронюс.

— Хотя бы, — покраснел секретарь.

— Слушай. — Локис схватил секретаря за лацканы обшарпанной куртки. — Ружье я взял в руки в июне сорок первого. Пять лет, день изо дня, я топтал человечье мясо. Хватит. Поверь, мертвых защищать поздно. И отца моего — тоже поздно. Притом какой из меня сейчас солдат? Неповоротливая мишень.

— Может, ты и прав, — согласился секретарь и прищурился. — Тогда я поговорю с Донатасом. Пусть он остается. Дадим оружие.

— Нет, — смутился Бронюс. — Нет. Нельзя ему власть. Перестрелят всех. Начнет со своих. Те всегда ближе.

— А Миколас? Учитель?

— Не знаю, — Бронюс покачал головой и долго молчал.

— Добрый он чертовски. Был в партизанах, так говорят, всю дорогу немцев листовками агитировал: «Гитлер капут». Думал, по хорошему их можно.

Секретарь снизу поглядел на скеластое, доброе лицо Локиса и хихикнул.

— Да-а-а...

— Да... — Они медленно пошли по площади.

— Думал, — сказал Локис, — все время гадал, чем займусь после войны. Учиться буду? Работать? Где? Что?.. Не было у меня с детства мечты. Привычки загадывать не было. Это уже Советская власть нас приучила — кем, товарищ, желаете стать? О чём, товарищ, мечтаете?.. Косил, пахал, гонял лошадей. И думал, так будет до смерти... Как отец. Но сейчас уже и я желаю желать...

— Чего? — спросил секретарь.

— Не быть солдатом. Я мало читал, ты знаешь. Мало любил... Хочу найти мое настоящее. Свое.

— А солдат — разве не «свое»? Разве высокая миссия советского...

— Я остаюсь, — прервал его Бронюс и опустил руку. — Только не говори мне красивых слов. Это тоже мы научились в последние годы.

Шли молча. Потом секретарь сказал:

— У Домового много людей. Некоторые из них служили в немецкой армии. Знают, как держать ружье.

— Мы тоже не забыли, — буркнул Локис.

Из конторы вышел Вайткус и пошел через площадь.

Локис и секретарь стояли и слушали, как стучат его сапоги. За новым председателем, словно на привязи, семенил сапожник, отец его, немой.

— Не давайте воли мести, — сказал секретарь. — Это плохой советчик.

Жена святого Юозапаса хлопотала в риге.
Вошел Вайткус и спросил:

— Есть тут кто?

Она вздрогнула. Потом бросилась к Вайткусу и сжала его в объятиях.

— Свободен. Жив. Единственный мой. Думала, убьют тебя язычники.

— Я пиджак оставил, — сказал Вайткус.— Понощенный... Но когда нет другого...

Женщина не отпускала его, и он не знал, что делать.

— Когда увели тебя, думала, не свидимся. Господи. Господи. Господи! Язычники!

Вайткус по-прежнему не знал, что делать.

— Где Юозапас? — спросил он.

— Нету, — прижалась к нему женщина. — Самогон гонит. Пусть работает человек. Люблю тебя, непутевый.

— Ты никогда не говорила мне этого, — пробормотал Вайткус.

— Никто тебя не бил, — рассмеялась Она.

Вайткус стоял, как на свадьбе, опустив тяжелые руки, долговязый и помятый.

— Били, — сказал он. — Кому не лень. Кто власть имел.

— Не видела, — прошептала Она и поцеловала его в сухие губы. — Когда не видишь, и душа не больно. Если хочешь, бей меня, чтоб больно было. Бей, а я буду молчать.

Залаляли собаки.

— Юозапас. — Вайткус хотел высвободиться из ее рук, но женщина не пустила его.

Яунис вошел без стука. В руке он держал немецкий бачок из-под бензина.

— Самогону, — попросил он. Столкнувшись с Вайткусом, Яунис покраснел. — Поздравляю, — буркнул он, — председатель.

— Чего ты его поздравляешь? — накинулась Она. — Человек за водкой пришел. Как и ты. Неужто нельзя?

— Только даром времени не трать, — присущился Яунис. — Уговор остается в силе. Три дня тебе срока.

— Ясно, — отвернулся Вайткус и завалился на холодную постель.

Она, прикусив губу, наливалась самогоном в бачок и улыбалась. Когда Яунис ушел, она заперла дверь.

Они сидели в сумерках и пили в шестером. Разливал Бронюс. Донатас был уже под хмельком.

— Права не имели, — процедил Донатас. — Хоть бы мертвых уважали. Неужто на место отца нет никого достойнее бандита?

— Не ори, — вмешался Бронюс. — Мы с ним посоветовались.

— С кем? С отцом?

Секретарь молчал. Он был самый трезвый. Засучив рукава, он нашарил в кувшине кислый огурец и сказал:

— Нам нужен живой председатель. Чтоб хоть за поставками следил. Городу нужен хлеб. Нужны продукты.

— Без продуктов жить будете, — сплюнул Донатас и опорожнил стакан.

— Домового надо обуздить. Все само собой устроится, — заговорил Миколас. —

Крестьяне второй год не знают, что такое сон. Детей в школу не пускают.

— Для того чтобы обуздить, надо поймать, — сказал Бронюс.

Все молча согласились. Они это и сами знали. Милиционер потрогал мокрые усы и покачал головой. За окном послышались шаги, и кто-то постучал кулаком в стекло. Яунис задул лампу. Было слышно, как мужчины в темноте разбирают винтовки.

— Учитель, а учитель, — раздался за окном осторожный голос.

— Марцинкус! — обрадовался Миколас и чиркнул спичкой.

— Хвала Иисусу Христу, — входя, сказал Марцинкус и сам себе ответил: — Во веки веков. Аминь.

— Найди кружку, — сказал Бронюс младшему Локису.

— Премного благодарен, — сказал Марцинкус. Он подал Миколасу свернутую бумагу. На разлинованном листе были нарисованы скрещенные кости и череп. Внизу химическим карандашом было выведено: «Предатель, если и впредь будешь пахать для Советов землю, убьем, как собаку. Последнее тебе предупреждение. Домовой».

— Почти без ошибок, — пробурчал учитель.

— Кто принес? — поинтересовался секретарь.

— Почтальон, — сказал Марцинкус. — Говорят, на почте нашел. Только бэз марки на конверте. С моей бабы еще рубль взяли. Говорят, за то, что письма пишут без марки.

Милиционер прыснул. Он много пил и почти не закусывал. Марцинкус рассердился и замолк.

Яунис протянул ему кружку. Крестьянин выпил и несмело спросил:

— Так что же теперь делать? Подскажите, если вы власть.

— Власть теперь Вайткус, — вмешался Донатас, но крестьянин не понял.

— Что прикажешь делать, если тебе без марки такие письма шлют? — повторил он. — Что молчите? Пахать или не пахать?

— Не паши, — буркнул Бронюс. — Если можешь, не паши.

Секретарь невольно улыбнулся.

— А хлеб вы мне дадите? — закричал Марцинкус. Самогон вытеснил острое чувство страха, и Марцинкусу, казалось, было на все наплевать.

— Нет, — твердо сказал Бронюс.

— Видишь, — обрадовался крестьянин.

— Дадим тебе винтовку, — сказал секретарь.

В пьяных глазах Марцинкуса показались слезы.

— На... мне на ваши винтовки, — сказал крестьянин, — если по правде сказать.

— Больше у нас ничего нет, — сказал Бронюс.

За стеной затянули молитву. Марцинкус прислушался.

— Не уезжайте, — сказал он братьям. — Слезам конца не будет. — И вышел.

Мужчины сидели молча. Бронюс выпил и поежился.

— Говорили, где искать? — ухмыльнулся Миколас. — Вот и объявился Домовой.

— Фокус, — промолвил Бронюс. — Бандиты хотят показать деревне, что они не боятся нас. Что они здесь хозяева. Марцинкус им нужен как собаке пятая нога.

— Почему? — усомнился Донатас. — Могут и кокнуть соседа.

— Могут, — согласился Миколас. — Кокнуть всегда можно.

— Выпьем, — предложил Бронюс.
А за стеной все молились.

Утро. Вдоль площади прошел Вайткус. Весть о новом председателе, кажется, уже облетела деревню. Люди снимали шапки и здоровались. Вайткус отвечал на приветствия. Он шел прямо к калитке, где топтались секретарь и Бронюс с потухшими папиросами в рту. У секретаря еще кружилась голова после вчерашнего. Когда Вайткус подошел к ним и поздоровался, они не сразу его узнали. Председатель был в пиджаке и в сапогах. Лицо его было гладко выбрито, и порезы кое-где заклеены.

— Как спали? — спросил секретарь.
— Спасибо.

— В целях безопасности я советовал вам менять места ночлега, — предложил секретарь. — Одну ночь здесь, другую там.

— Спасибо, — повторил Вайткус. — Я и раньше редко ночевал дома.

Секретарь понял. На крыльце появился Яунис и помахал Бронюсу.

Братья подняли гроб на плечи.

— Ногами. Ногами вперед! — крикнула Марцинкене.

Несущие гроб развернулись. В комнате было тесно, и что-то разбилось. Может, Бронюс задел локтем. Мать опустилась на колени и собрала осколки.

Когда гроб застрял в дверях, Бронюс лицом к лицу столкнулся с белокурой пышноволосой девушкой, которая сидела возле матери в день их приезда.

— Не помните меня? — вполголоса спросила она Бронюса. На ее высокой груди алел комсомольский значок. — До войны мы вместе играли. На пасху вы приходили к нам катать яички.

— Альдона, — вспомнил Бронюс. — Криновоногая такая была. Здорово!

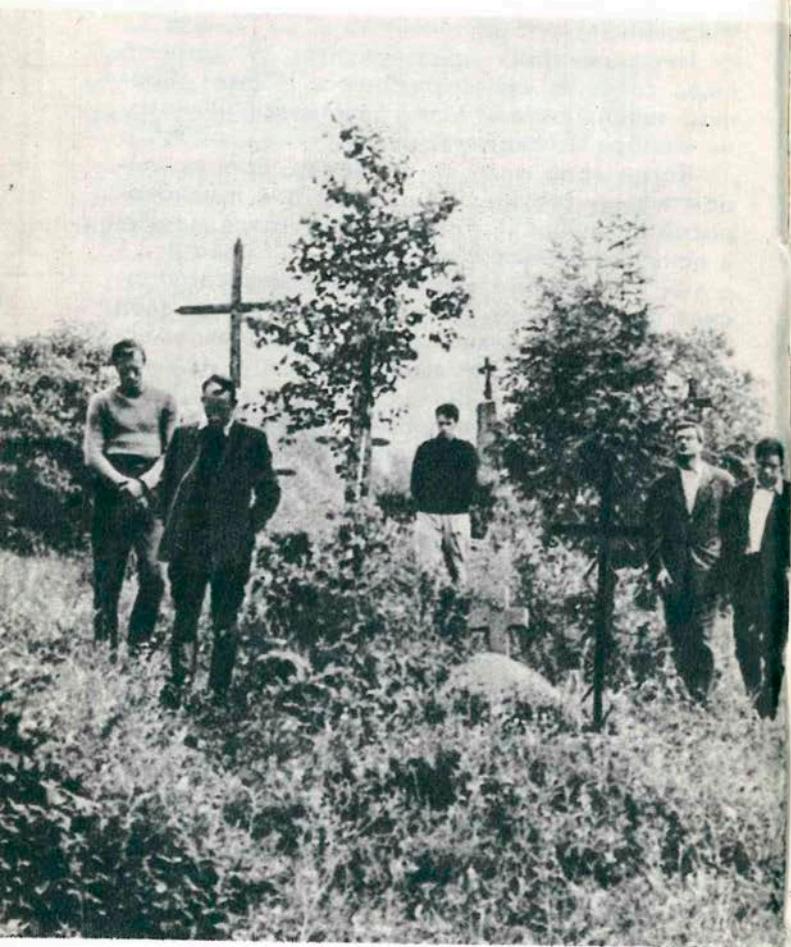
— Здорово! — сказала девушка и покраснела.

Гроб двинулся, и братья едва поспевали за ним.

По площади протащела телега. Возле гроба, согнувшись, сидела мать. За телегой шли братья, секретарь и Альдона.

— Язычники, — шептались богомолки возле колокольни. — Провожают без ксендза, без колокольного звона. Подумать, старая Локене — такая набожная женщина, а уступила язычникам.

Лошадь с трудом взбиралась на пригорок. Бронюс и Миколас придерживали за ножки гроб, чтоб он не вытолкнул мать. Последней шла Альдона. Бронюс изредка поглядывал на девушки; и та улыбалась ему уголками губ.

На кладбище возле вырытой могилы их ждал Марцинкус. Гроб поставили на доски. Секретарь подумал, что в таких случаях полагается произносить речи. И он сказал:

— Мы все знали покойного. Подумаем о его жизни и смерти.

Все стояли и думали о смерти.

Бронюс поднял голову и увидел стоящего за деревянными крестами ксендза. На камне сидел служка, сжимавший между коленями портфель священника. Бронюс глянул на мать.

Она стояла, держась за Миколаса, и сухими глазами глядела, как опускают гроб. Для нее похороны еще не начались.

— Ступайте, — сказала она Бронюсу. — Марцинкус сам закопает.

Бронюс не перечил. За ним последовали и другие. Только Яунис остался у телеги. Донатас приблизился к Альдоне. Она заметила, что он все время поглядывает на ее грудь, и, зардевшись, поежилась.

— Пристегнула комсомольский значок на таком возвышенном месте, — сказал Донатас.

— А что, господин хороший, прикажете пристегнуть? — отрубила Альдона. — Может, трехцветную ленточку?

— В субботу куда на танцульки ходите? — спросил Донатас.

— Не танцуют сейчас. Бандитов боятся.

— А мы с тобой станцуем. Договорились? Девушка шла пунцовая, шевеля губами, словно что-то жуя.

Миколас шел рядом с Вайткусом.

— Детей у тебя нет? — заговорил Миколас.

Вайткус удивился.

— К слову пришло, — сказал Миколас. — Школы у нас не будет, но один класс для малолеток можно организовать. Ты председатель — подумай.

— Ясно, — буркнул Вайткус.

Бронюс оставил секретаря и взял девушку под руку.

— Хочешь нам помочь? Иди работать в контору. При председателе... Председатель! — позвал он.

Вайткус подошел.

— Вот тебе, Вайткус, подмога. Девка учennaя. Своя. Будет за секретаря.

Вайткус не перечил. Донатас задержал его. Оба отстали.

— А как наши дела, председатель? — спросил Донатас. — Один день уже прошел.

— О чём вы? — заинтересовался остановившийся Бронюс.

— Это наше личное дело, — сказал Донатас и увел девушку.

Бронюс не выдержал и оглянулся на кладбище.

У ямы стоял ксендз в белом стихаре и, освящая могилу, махал кадилом. Теплый ветер донес стенания матери.

Бронюс и Миколас проводили секретаря до грузовика.

В кузове сидели три милиционера. Секретарь поцеловался с Бронюсом и тихо сказал:

— В случае чего дай знать. Вызовем солдат.

Подошел Вайткус.

— Счастливого пути, — сказал он.

Секретарь приподнял шляпу и сел рядом с шофером.

— По какой дороге поедете? — спросил Вайткус.

— По большаку, — ответил секретарь. — Как-никак с охраной едем.

Вайткус критически обозрел кузов, где сидели милиционеры.

— На вашем месте, я бы сел наверху, — посоветовал он.

Секретарь потрогал разбитое пулями стекло кабины и вылез из машины.

— На специалистов нужно положиться, — сказал он.

Вайткус притворился, будто не понял. Секретарь сел между милиционерами и еще раз приподнял шляпу.

— В каторге уйма дел, — сказал Вайткус. — С чего, по-вашему, начать?

— С мельницы. Муку в город повезем, — ответил Бронюс.

Со скрипом вертелись жернова. Бронюс ходил по мельнице и приглядывался. Вайткус пересчитывал мешки с мукой. Альдона листала книгу мельника и что-то помечала в ней.

— Как бухгалтерия? — спросил Вайткус.

— По моему подсчету — недостача. Пять мешков.

— Хозяин! — по старой привычке обратился Вайткус к мельнику. Тот когда-то был владельцем мельницы. — Не хватает пяти мешков.

— Украли, значит, — пожал плечами мельник. — Если не хватает...

— Пересчитай, — сказал Вайткус своей помощнице.

Та ушла, оставляя на бетонном полу черные следы.

— Муку повезете? — спросил мельник, когда они остались вдвоем.

— Да, — ответил Вайткус.

— Домовой просит подождать три дня.

Вокруг все было бело. Мельник казался седым. На ресницах и на бровях висели белые пылинки. И Вайткус побелел.

— Домовой сам хочет взять муку, — сообщил мельник. — И зерно тоже.

— Сколько?

— Все.

— Куда денет? Сгниет.

— Пускай гниет. Так и сказал. Пускай гниет, только бы не досталось Советам.

Вайткусу показалось, что Альдона следит за ними.

— Почему я должен это знать? — спросил он у мельника. — Вы сами по себе, я сам по себе.

Подошел парень. Руки у него были в мазуте. На плечах висел рваный мешок.

— Надо остановить машины, хозяин, — голос у него был хриплый. Казалось, парень перекатывает во рту что-то горячее. — Впустую мелем.

— Останавливай, — согласился мельник.

Мельник снова обратился к Вайткусу.

— Главный спрашивал, когда Локисы уезжают обратно?

— Не знаю.

— Их нельзя выпускать из деревни, —
сказал мельник.

— Коли уж приехали, пускай остаются. На
отчей земле, так сказать.

Вайткус испугался. Парень стоял и прислу-
шивался. Его черные глаза смотрели в упор,
угрожая.

— Главный спрашивал, зачем привезли в
деревню этих милиционеров? — поинтересо-
вался мельник.

— Для моей охраны, — сказал Вайткус.
Парень ухмыльнулся и потопал прочь.

Мельник спохватился и сказал:

— Не бойся. Свой человек. Не помнишь?
Вайткус вспомнил.

— Зять волостного старшины. Апуокас.
Вайткус глядел, как Апуокас поднимался
по крутой лестнице. Один раз парень обер-
нулся, и Вайткус встретился с его недобрыйм
взглядом.

— Это он убил Локиса, — прошептал
мельник.

Когда Вайткус и мельник спустились во
двор, Альдона стояла рядом с Бронюсом.
Локис наблюдал, как крестьяне выгружают
мешки с зерном.

— Как думаешь, когда повезем в город,
председатель? — беззаботно спросил Бро-
нююс.

— Через три дня кончу помол, — вме-
шался мельник. — Много ли тут работы? Тог-
да все разом и заберете.

Бронюс думал так же. Он не возражал.

— Ты начальство, — сказал он Вайткусу.—
За тобой слово. Когда повезем?

— Завтра же, — отрубил председатель и
ушел, оставив всех посреди двора.

Вайткус пересек двор. Подростки, разма-
хивая палками, играли в «рыбку». Доска объ-
явления служила воротами. Крестьянин, при-
вязывавший к деревянной жерди коня, снял
шапку. Какая-то баба мыла лестницу. Вайткус
осторожно ступал по свежевымытому полу.
В коридоре за председательским столом сидел
Миколас и гонял мух. Перед ним стоял серед-
няк Юодис. В другом углу ждала очереди
Поцювене с новорожденным. Вайткус при-
мостился на лавке и зевнул.

— Еще весной бандиты угнали моих ко-
ровушек, — жаловался Юодис. — Две их бы-
ло. Одна по кличке Чемпионка, другая —
Теща. Осталась телка. Сами без молока си-
дим. Одно счастье — детей нет.

Он говорил испуганным тоненьким голос-
ком, казалось, комар жужжит над ухом.

— А председатель об этом знал? — ти-
хо спросил Миколас. Он стеснялся при посто-
ронних говорить о покойном отце.

— Все знали, как же, — прожужжал Юо-
дис. — И папаша ваш знал. И прежний пред-
седатель. И тот, кто до прежнего был. Всем
я говорил. Пришли проклятые бандиты, уве-
ли моих коровушек.

— Врешь, — неожиданно загрохотал Вайт-
кус. Он сидел на лавке, обхватив голову и
растирая носком башмака окурок самокрут-

ки. — Когда весной пришли к тебе бандиты, — Вайткус приостановился и стало слышно, как он сопит. — Бандиты, — повторил он, — ты сказал им: «Проклятые большевики у вели моих коровушек. Сами без молока сидим. Одно счастье, сказал, детей нет».

Вайткус поднял голову и посмотрел на Юодиса.

Юодис облизал губы. Он узнал Вайткуса и испугался еще сильнее.

— Убить меня хотели, — промямлил Юодис. — Сало отобрали.

— Сам отдал, — бросил Вайткус.

— Разве я мог не отдать? — жалобно бормотал Юодис.

— Никто тебя не винит... за сало, — сказал Вайткус.

— Сколько у тебя коров? — спросил Миколас крестьянина.

— Три, — повернулся к нему Юодис, — И телок... Один... Простите меня.

— Что будем делать с долгом? — спросил Миколас Вайткуса. — Он не сдал ни килограмма с середины января. Ничего себе кусок...

— Пускай рассчитывается за год. — Вайткус снова опустил голову. — За год. За три коровы. Пусть и впрямь посидит без молока.

— Наказывать не будем, — тихо сказал Миколас крестьянину. — Но что полагается государству — вынь да положь. За год. От трех коров.

— Спасибо вам, — поклонился Юодис. Он потянулся, чтобы облобызать Вайткусу руку. Тот отпрянул.

Когда Юодис вышел, с лавки встала Потювене.

— Дайте справку, что ребенок родился.

— А малыш кто? — удивился Миколас. — Девочка, что ли?

— Ребенок, говорю, — обиделась женщина.

На ней была городская одежда, говорила она грудным голосом. Ребенок молчал.

Миколас уступил место председателю. Тот встал, но долго не находил чернил, потом принялся искать бумагу.

— Какое имя дадите новому Поцюсу? — спросил он.

— По отцу. Что тут долго думать.

Вайткус не знал имени Поцюса-старшего и ухмыльнулся.

— Юргис. Юргис Поцюс, — заговорила женщина, подойдя к столу.

Неумело держа ручку, Вайткус записал ребенка.

Миколас подошел к матери, глянул на лицо новорожденного и смущился. Новоявленный Юргис походил на резиновую куклу, из которой выпустили воздух. От него пахло снятым молоком.

— Вылитый отец, — пятясь, сказал он матери.

Вайткус протянул Потювене справку.

— Пусть живет, — сказал он.

В контору вошел Бронюс, за ним Альдана. Она ела груши. Плоды были спелые, и капли сока затекали девушке за пазуху. Она

вытирала сок ладонью. Бронюс рассмеялся. Все думали о грушах. Смотрели и ждали, когда она перестанет есть.

— Будут завтра возы? — осведомился Бронюс, когда девушка вытерла руки.

— Я уже позаботился, — тихо ответил Вайткус.

— Кто будет сопровождать обоз? — поинтересовалась Альдона.

— Подумаем, — неопределенно сказал Бронюс.

— Я буду сопровождать. Один, — промолвил Вайткус.

Бронюс удивился. Он не знал, как говорить с председателем. Вчера все казалось прощее.

— Подумаем, — повторил Бронюс.

— Я уже подумал. — Было видно, что председатель волнуется. — Когда подбирал возы, сказал, по какой дороге поедем. По большаку. Кругом. Об этом уже знают около десятка мужиков. Все равно, что самому Домовому сообщить. Завтра, когда выедем на дорогу, прикажу повернуть через лес. И дорога вдвое короче. Если кто и будет ждать, то только у большака.

Все помолчали.

— Не по душе мне твой план, — засмеялся Бронюс. — Ты их обманешь. Отправишь в город муку. А что дальше?

Вайткус не понял.

— Так чего вы хотите? — спросил он.

— Домового. Не меньше.

Братья встали. Миколас протянул председателю руку.

— Подумаем, — попрощался Бронюс.

Вайткус кинул Альдоне одну тетрадку.

— Подсчитай задолженность. Кто, сколько и за какое время.

И сам склонился над бумагами.

Когда стемнело и Вайткус зажег свечу, в контору вошел Донатас. Ни Вайткус, ни Альдона не промолвили ни слова. Локис сел и с удовольствием стал пускать колечки дыма. Он не спешил.

— Я кончила, — наконец сказала девушка председателю.

— До свидания, — сказал Вайткус.

— Я провожу тебя, — заметил Донатас. Вайткус вздрогнул. Он был убежден, что Донатас ждет его.

— Без провожатого надежней, — отрезала девушка.

— Я пойду сзади. Молча. А руки буду держать за спиной, — рассмеялся Донатас.

Альдона задула свою свечу, и они вышли. Вайткус хотел отщипнуть обуглившийся фитиль и обжег пальцы. Долго тер руку рукавом рубахи. Потом взял револьвер и стволом сшиб кончик фитиля. В канторе стало светлей. Вайткус положил револьвер на порыжев-

шее сукно рядом с круглой печатью и связкой ключей. Потом снова взялся за ручку. Вайткус писал, выстраивая цифры в длинные колонки. Потом он услышал, как заскрипел гравий под разбитым окном. Вайткус задул свечу и, не целясь, выстрелил. За окном мелькнуло лицо Апуокаса. Но Вайткус знал, что промахнулся.

Три брата играли в карты у Марцинкуса. Когда послышался выстрел, колода была в руках у Бронюса. Марцинкене перекрестилась.

— Где Донатас? — спросил Бронюс.

— Девушку пошел провожать, — сказал Яунис. — Но это в другой стороне. А стреляли возле канторы.

— Пойду посмотрю. Без меня не играйте. — Бронюс накрыл колоду тарелкой.

Вайткус стоял у дверей с револьвером в руке.

— Не дури, — раздался голос снаружи. — Не то я из тебя душу вытрясу.

В кантору вошел Апуокас. При свете луны он казался бумажным. В испачканном мукой пиджаке, с белым от страха лицом. Бандит примостился у стены таким образом, чтобы никто не видел его с улицы. Он положил возле себя кожаную шапку и засунул руки в карманы.

— Всех всполошил, — зло буркнул Апуокас. Он еще не опомнился от выстрела.

— Зачем явился? — спросил Вайткус. — Невелика радость, если тебя здесь застанут.

— Мельник встретился с Главным, — сообщил Апуокас. — Домовой велел тебе передать вот что... Во-первых, чтобы ты впредь так не шутковал. Он сказал мельнику: «Люблю только собственные шутки». Ясно?

— Ясно, — сказал Вайткус.

— Во-вторых, мы давно бы забрали всю муку, но у нас нет возов. Если вы намерены завтра возить, значит, телеги у вас есть?

— Будут, — сказал Вайткус.

— Сколько? — спросил Апуокас.

— Пять.

— Хватит и четырех. Ими мы и воспользуемся.

— Ясно, — кивнул Вайткус.

Где-то по соседству забрехала собака. Оба прислушались.

— В-третьих, Домовой спрашивает, кто будет сопровождать обоз?

— Я, — сказал Вайткус.

— Откажись, — посоветовал бандит. — Пускай Локисы сопровождают. Все четверо. Главный сказал, что надо заодно взять и муку и медвежат. Нечего, мол, по одному ловить. Ясно?

— Не послушают они меня.

— Придумай что-нибудь. Скажи, мука пропадет. Ученый небось. Но чтоб все четыре брата вместе были. Ясно?

— Кто Домовой? — просто спросил Вайткус.

— Не знаю. — Вайткусу показалось, что Апуокас смешался.

Бронюс пересек двор конторы. Внутри горел свет. Под ногами скрипел свеженасыпанный гравий.

— Работаешь? — спросил Бронюс Вайткуса, когда вошел.

Вайткус устанавливал на столе свечу между разбросанными книгами и потрепанными тетрадями.

— Кто стрелял? — спросил Бронюс, подойдя к окну. В стекле зияла новая дыра.

— Я, — сказал Вайткус. — Померещилось.

Бронюс взял с лавки кожаную шапку и сдул с нее муку. Вайткус пальцами делал ему какие-то знаки. Бронюс не понимал языка немых. Но дураком он не был. Локис глянул на дверь кладовки. Рядом с ней торчал огромный шкаф.

Апуокас стоял в потемках и почесывался револьвером Вайткуса. Сквозь крохотные щели в дощатых дверях проникал свет. За стенной слышались шаги и голоса. Заскрипели дверцы шкафа.

— Смотри, сколько здесь бумаг, — раздавался голос Вайткуса.

— Разве мне одному с ними управиться? Я больной.

— Что с тобой? — спросил другой голос.

— Не знаю. Хворь какая-то. Может, мне не ехать с обозом?

— А кто поедет? — спросил голос погромче.

— Вы.

— Я?

— Вы четверо.

Апуокас улыбнулся.

— Хорошо, — сказал Локис. — Мы пойдем. Спокойной ночи.

Было слышно, как открываются двери. Потом Вайткус что-то проговорил на крылечке. Двери захлопнулись, голоса замолкли.

— Выходи!

Апуокас вышел из кладовки. Свечи стояла на полу. Апуокас бросил Вайткусу револьвер.

— Где шапка? — спросил он.

Вайткус открыл ящик стола и вытащил шапку.

— Так нетрудно и голову потерять, — проговорил он.

Апуокас ничего не ответил. Спешил уйти.

— Мы не договорились, по какой дороге они поедут, — остановил его Вайткус.

— Пусть только соберутся на мельнице, — усмехнулся бандит. — Потом уж мы покажем им дорогу.

— Ясно.

Апуокас вышел. Вайткус подошел к окну и смотрел, как Апуокас, широко размахивая руками, шагал по улице.

Потом председатель подошел к шкафу и распахнул дверцу. Оттуда вылез Бронюс. Он отряхнулся.

— Они готовят засаду на мельнице. — Вайткус устало свесил голову.

— Ну и хорошо. Спокойной ночи. В карты играешь?

— Нет.

— Жалко.

Бронюс вышел.

Вереница пустых возов остановилась на развилке. По ту сторону холма была мельница.

Вайткус спрыгнул с телеги.

— Ты жди здесь, — сказал ему Бронюс. — Кто бы сегодня ни выиграл, ты все равно будешь среди победителей.

У Вайткуса на лбу выступил пот.

— Незавидно, — пробормотал он.

Возы тронулись. В них сидели братья, Марцинкус, Поцюс и три милиционера.

Марцинкус въехал на пустынный двор мельницы. Он привязал коня и долго звал мельника.

— На одной телеге повезете? — спросил мельник.

— Приедут и другие. Не собрались еще, видно, — хриплым голосом ответил Марцинкус.

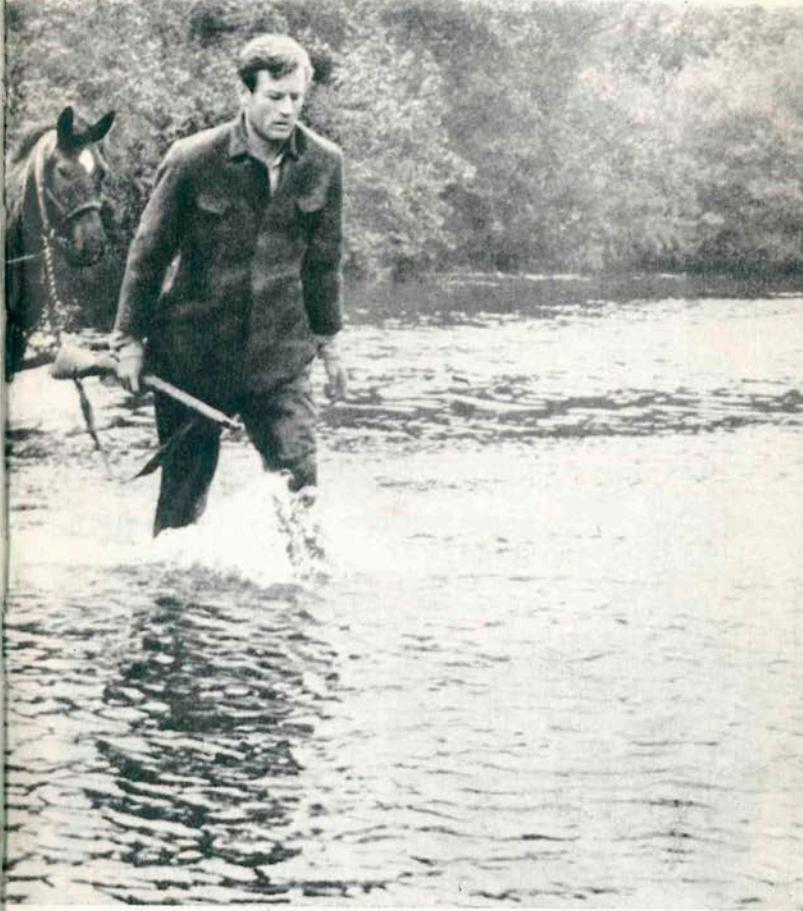
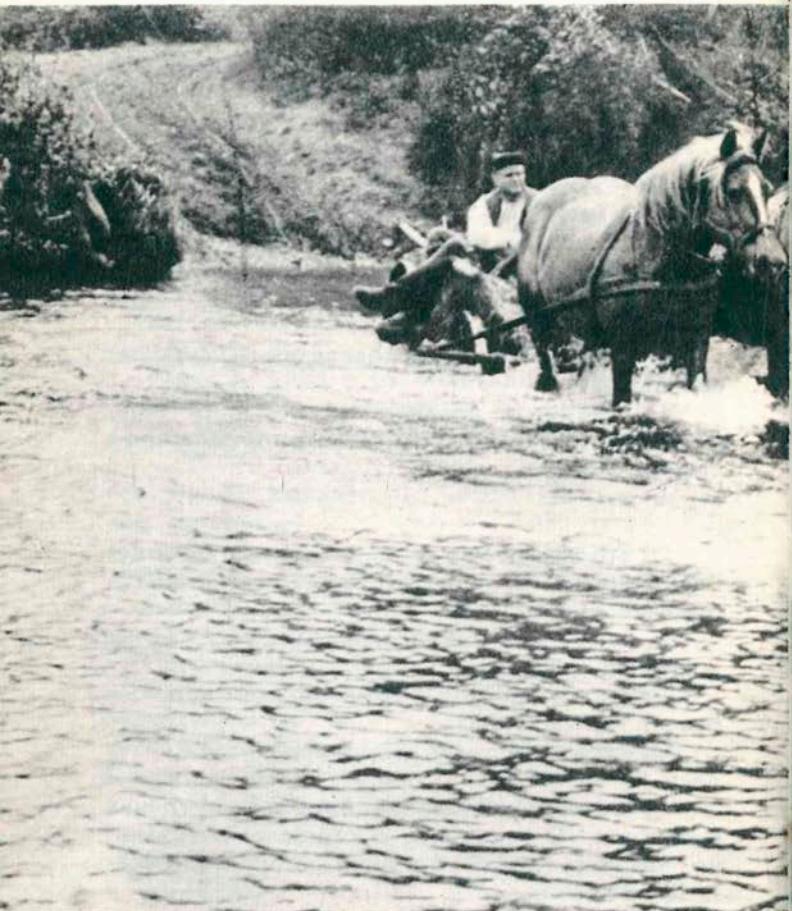
На втором этаже у окна стояли бородатый мужчина и Апуокас. Бородатый курил городские папиросы.

Из окна было видно, как Марцинкус внизу возится с мешками.

— Братья где? — бормотал бородатый. — Братья где? Братья?!

Вдали на повороте дороги показалась телега.

— Гости едут! — сказал бородатый, глянув в бинокль. Он постучал в стену. Было слышно, как под ногами бегущих затарахтело железо на крыше.

Появился мельник. Он искал сивуху. На полу валялась пустая бутылка.

К мельнице подкатила телега. Рядом с усатым милиционером сидел Яунис. Прямо с облучка он спрыгнул на крыльцо склада. Усатый поставил лошадей и задержался на дворе, озираясь, как бы ища что-то.

— Чего они так тянут, эти товарищи! — сказал бородач Апуокасу. Он курил одну папиросу за другой. — Аппетит пройдет, пока все соберутся.

— Чего он высматривает, этот милиционер? — пробормотал Апуокас, глядя в окно.

— Должно быть, уборную ищет, — сказал бородатый. — Скажи ему, пусть помочится у стенки. А то еще в подвал полезет.

Апуокас поспешил вниз...

Яунис стоял, привалившись к мокрой цементной стене склада, и разглядывал мельницу. Марцинкус сваливал мешки неподалеку от дверей склада.

— Дурень, — сказал ему Апуокас. — Двойную работу себе придумал. Вали прямо на телегу.

Он взвалил Марцинкусу на плечи мешок, и крестьянин направился к возу, качаясь на кривых ногах. Во двор въехали Донатас и Потюс. Еще с телеги Донатас заметил Яуниса, стоящего у стены склада. Яунис показал на крышу мельницы. Донатас понял. Он спрыгнул с воза и бросился к мельнице, за ним Потюс, сжимая под мышкой завернутый в мешок автомат.

— Хозяин! — крикнул Апуокас наверх. — Гости!

На втором этаже Донатас нашел одного мельника. Тот сидел на заржавевшей шестерне и обнюхивал бутылку.

Когда мужчины вошли, он даже не глянул на них.

— Нашел время пить, — сказал ему Донатас. Он был уверен, что их подслушивают. — Почему никто не подсчитывает мешки?

— Я плохо себя чувствую, — громко ответил мельник.

Донатас увидел дверь, ведущую на чердак, подошел и придинул к ней железную бочку с мазутом. Поцюс в окно помахал Яунису. Мельник в другое окно махнул Апуокасу.

Внизу стояли Апуокас и Яунис, спиной друг к другу. Яунис ответил Поцюсу, Апуокас — мельнику.

Марцинкус вынес из склада мешок и увидел Апуокаса. Тот отворил ставни подвала, находившегося под складом, и что-то шепнул через решетку. Во двор въехала третья телега. Выскочили Миколас и мужик в сапогах, в домотканом пиджаке. Оба с оружием. Они направились прямо на склад и уже не выходили оттуда. На склад вернулся и Марцинкус. Вдали показалась четвертая телега. Лошади шли тихо, пощипывая траву. Бронюс беседовал с милиционером, сидевшим рядом.

Вооруженные бандиты, привав к оконным решеткам подвала, наблюдали за воротами. Во дворе было пусто, только восемь лошадей были копытами и обнюхивали друг друга. Во двор шмыгнул Марцинкус. Никто не успел остановить его. Он блуждал, не зная, чем заняться. Никто в него не стрелял, и осмелевший крестьянин схватил под уздцы своего коня. Марцинкусу хотелось спасти его. Все поняли это, но помочь ничем не могли. Лошади сбились в кучу: дышла, колеса — все перепуталось и смешалось, и, разозлившись, крестьянин принялся бить своего гнедого. По-

том опомнился и бросился со двора. Он выбежал на дорогу, увидел Бронюса на телеге, кинулся назад. Вернуться на склад он не отважился и шмыгнул в подвал. В подвале безмолвно стояли длинноволосые бандиты.

— Ты кто такой? — схватил Марцинкуса за грудки бандит.

— Свой-о-й. — Что он мог еще сказать?

— Вот тебе винтовка, — бандит всучил Марцинкусу оружие и толкнул к решетчатому окошку. Бандит чмокал губами. Было видно, что он волнуется.

В ворота медленно въехал воз. Пустой. Бронюс и милиционер соскочили с телеги и привалились к стене. Отсюда видны были два окна, единственные выходившие не во двор, и дверь мельницы. Бронюс откусил яблоко.

— Это успокаивает, — сказал он, вытер яблоко рукавом и поделился с милиционером.

Марцинкус не знал, что делать с винтовкой. Он нажал курок и выстрелил. Выстрелил и стоявший рядом с ним бандит. Посыпались выстрелы с чердака. Бандиты проделали в крыше дыры и теперь стреляли оттуда. Бой начался.

Донатас и Поцюс следили за дверью на чердак. Кто-то с той стороны налегал на нее, и бочка с мазутом, скрежеща, двигалась по бетонному полу. Донатас положил автомат под правую руку и примерился к винтовке.

Он выстрелил, и пуля ударила в жесть, которой была обита дверь.

Миколас, Яунис и милиционер залегли у дверей. Отсюда была видна крыша мельницы, и мужчины стреляли, положив винтовки на мешки с мукой. Усатый милиционер, пробираясь вдоль стены склада, напал на вторые двери в подвал. Апуокас почти упер в него винтовку и выстрелил, словно вонзил в грудь. Потом он отворил дверь подвала, и оттуда вылезли бандиты.

Миколас первый заметил их. В темнотах он выстрелил два раза и попал. Кто-то завыл высоким жалобным голосом и уже не замолкал. Мужчины отступили в глубину склада. Пули рвали мешки. По земле стелились облака пыли. Может быть, это была мука.

Бородатый со своими подручными багром отворил дверь чердака и швырнул наружу гранату. Когда бандиты вывалились на площадку, там никого не было. Донатас и Понюс отступили. Бронюс и милиционер по пожарной лестнице забрались на крышу. У дыры, проделанной в крыше, лежал бандит и обстреливал двор. Второй бандит консервной банкой черпал из бочки воду. Когда он напился, то увидел перед собой Бронюса. Тот ударил его в переносицу, и бандит попятился. Он пролез через дыру на крышу. Там он на мгновение остановился и замахал руками, словно прыгал через скакалку. Потом свалился во двор. Не стреляя, милиционер схватил другого бандита за горло. Оба, бросив

оружие, стали бороться. Бандиту удалось нащарить за поясом нож. Бронюс наступил ему на руку, и тот заорал. Тогда Бронюс ударил его прикладом по голове. Два раза. Тот замолк.

Бронюс и милиционер спустились на второй этаж.

Никто их там не ждал. Бородатый бандит уговаривал своих подручных спуститься туда, где отстреливался Донатас. Бронюс выстрелил, и бандит, который стоял на верхней площадке лестницы, свалился на головы спускавшихся вниз.

— Донатас! — крикнул Бронюс.

— Я здесь, — послышалось снизу. Голос был чужой и усталый.

В темном складе продолжался бой.

— Яунис! — предупреждающе крикнул Миколас, но Яунис не расслышал. Миколас выстрелил, и бандит, подстерегавший Яуни-са, уронил оружие. Схватившись за голову, ка-чаясь, он вышел по дорожке света во двор и рухнул.

Марцинкус не мог найти себе места. Дви-гаясь вдоль стены, он наткнулся на дверь склада. Изредка бандиты спускались в подвал за патронами. Улучив возможность, Марцин-кус бросился в склад и перекатился через мешки. Он был весь в мучной пыли. Лежал, свернувшись в клубок, боясь поднять голову, не решаясь двинуться, чтобы найти более надежное место. Крестьянин видел, что ря-дом укрылся Апуокас, который, положив вин-товку на мешок с мукой, прицельно стрелял в темноту склада. Горячие отстрелянные гиль-зы подкатывались Марцинкусу под нос. Бан-дита, видно, заметили и другие. В мешок по-пала несколько пуль, и оттуда посыпалась мука.

Бандит почувствовал опасность и решил отступить. Отпрыгнув, он спрятался за Мар-цинкуса и, пристроив винтовку на зад кре-стьянина, как прежде на мешок, начал стре-лять. Марцинкус смотрел, как в мешок, рань-ше служивший защитой бандиту, вгрызались пули, продевая дыру за дырой. Крестьянин заплакал. По белому лицу катились слезы.

На мельнице раздавались последние вы-стрелы. Бандитов загнали на лестницу. На

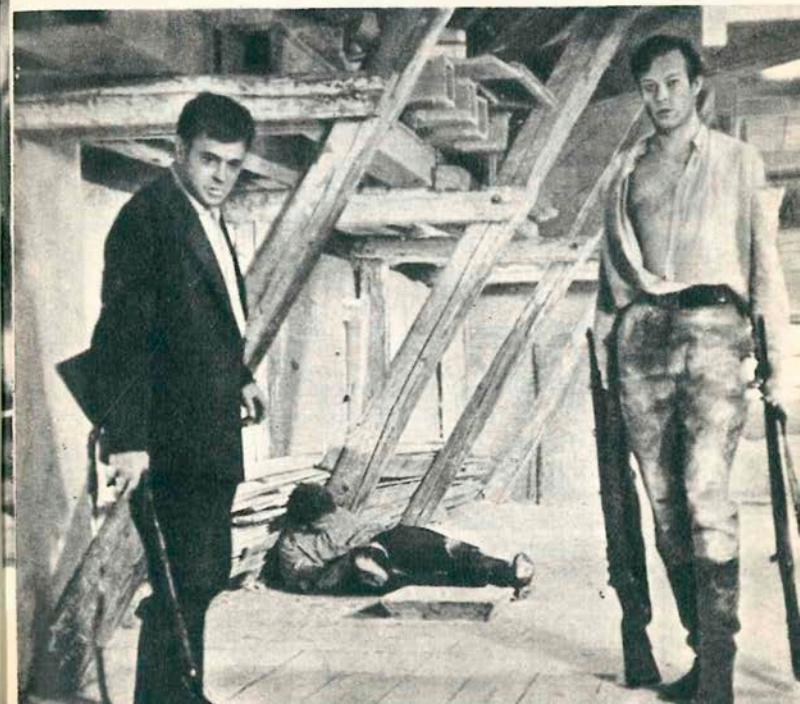
первом этаже за жерновами забаррикадиро-вался Донатас. Бронюс выгнал бородача на открытую площадку.

— Сдавайся, — загремел он. — Никуда не денешься!

Бородатый выронил оружие, но не успел поднять руки, Донатас выстрелил, и бандит рухнул. Его лошадиное лицо дернулось, и рот застыл.

— Дурак! — крикнул Бронюс брату.

По лестнице спускался Пояцюс. Он стонал. Разодранные кальсоны висели красными гре-бешками. Бронюс едва успел подхватить его.

Из подвала был выход в поле. Оставшиеся в живых бандиты пустились наутек вдоль рва, унося раненых. Стрельба прекратилась. Апуокас почувствовал, что остался один. Он видел, что вокруг расхаживают враги. Он швырнул винтовку и рухнул рядом с Марцинкусом, притворясь убитым. Потом Апуокас почувствовал, что кто-то дышит ему в лицо, и открыл глаза. Перед собой он увидел полные слез глаза крестьянина.

— Сдаюсь, — закричал Марцинкус.

— Молчи, — прошипел Апуокас и выругался.

Из окна подвала торчала мертвая голова мельника. Она глядела на мельницу и, казалось, удивлялась.

Во двор вошел Вайткус. Через дверь мельницы Бронюс и Донатас вынесли истекающего кровью Поцюса. Положили на телегу. Яунис и Миколас вывели со склада Апуокаса. Потом вылез Марцинкус. Он нес винтовку Апуокаса. Бронюс подвел Вайткуса и Апуокаса к мертвому бородачу.

— Это Домовой? — спросил он.

— Нет. Должно быть, нет, — пожал плечами Вайткус. Он старался не смотреть ни на бородача, ни на Апуокаса.

— Нет, — буркнул Апуокас. — Он командир отряда. Офицер из батальонов*. Домового здесь не было.

— Кто Домовой?

* Имеются в виду формирования литовских буржуазных националистов, созданные немецкими оккупантами.

— Не знаю, — сказал Апуокас, и это было похоже на правду.

Когда Бронюс отвернулся, Апуокас бросил Вайткусу:

— Узнает Домовой про твои дела — умрешь.

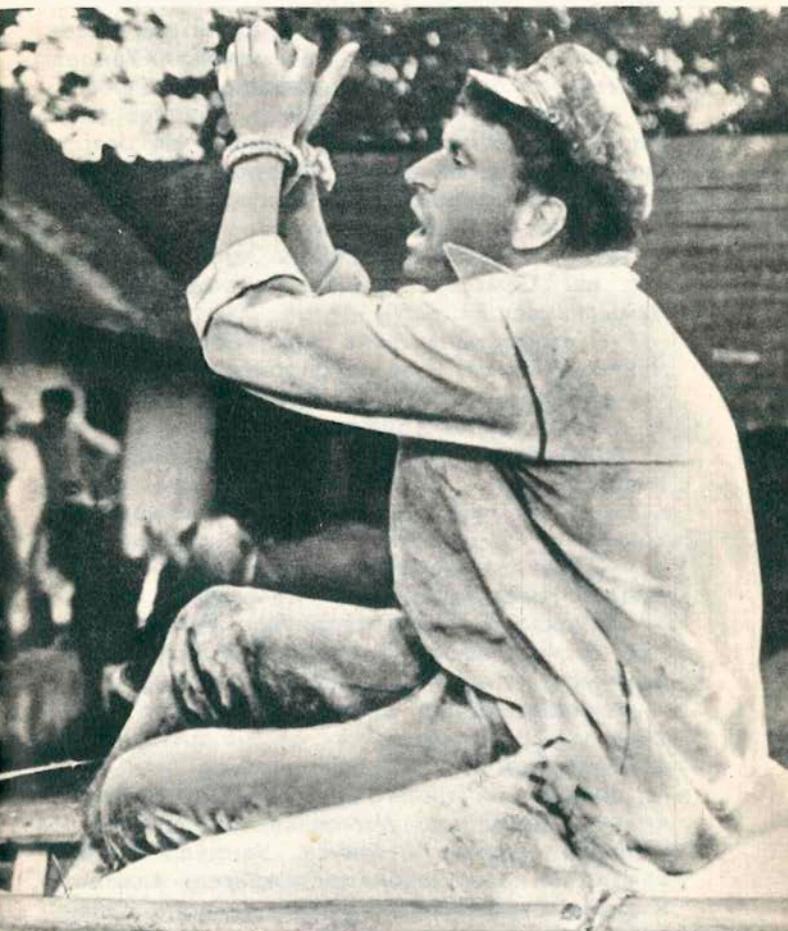
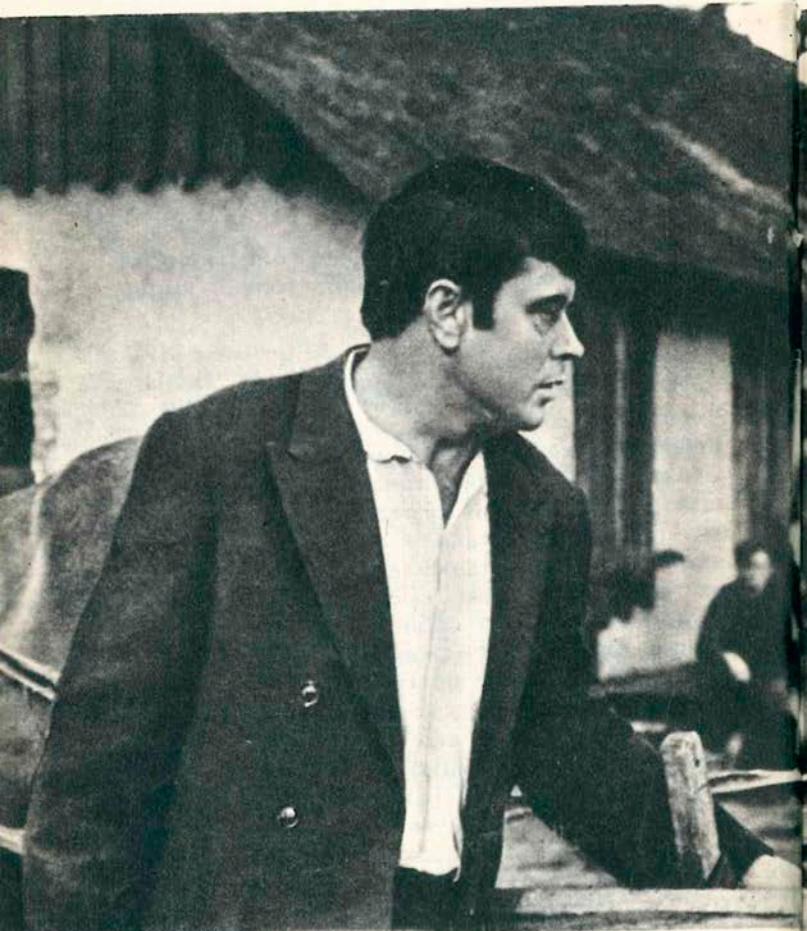
Вайткус сам это знал.

— Будем надеяться... не узнает.

Милиционер подтолкнул Апуокаса к телеге.

Все были в мучной пыли с головы до пят. И живые и мертвые. Чернела только кровь.

Старая Локене стояла, прислонившись к оконному стеклу, и смотрела на площадь. На площади в ряд лежали тела убитых бандитов. Вокруг расхаживал вооруженный милиционер и курил. На противоположной стороне площади, у каменной ограды притвора, толпились люди. Слышалось одинокое всхлипывание. Никто не отваживался приблизиться. А во дворе конторы выстроились груженные мукой возы. Обоз собирался в путь. Пришел Яунис. Он был в пиджаке отца. Альдона, Потилюне и Миколас положили на мешки раненного Поцюса. В одноколке, вытянув шею, сидел Апуокас. Руки его были стянуты путями. Бандит зевал. Очевидно, храбрился. И озирался. Увидел Вайткуса. Тот пересчитывал мешки. В руке он держал бумаги. Председатель поднял голову и встретился со взглядом Апуокаса. Апуокас ослабился. Он поднял связанные руки и провел по шее. В одну сторону; в другую. Должно быть, пугал Вайткуса. Обрадовал-

ся. Отвернулся от Вайткуса. Потом стал озираться по сторонам. Видно, из любопытства. Почесал руками нос, заметил Донатаса, беседовавшего с Альдоной. Та смеялась. Увидел Яуниса, который отвел в сторону Бронюса.

— Бронюс,— сказал Яунис. Апуокас слышал.— Ты сейчас старший в семье. Не разрешай Донатасу якшаться с Альдоной. У него в городе куча девок. Только испортит Альдона.

Бронюс удивился и ответил:

— Он взрослый человек. Запретишь ему, что ли? Самому завидно небось? Да?— он ухмыльнулся.

— Неразумная она еще,— пробормотал Яунис.— Может, тебе поговорить с Альдоной?

— Ладно,— пообещал Бронюс и повернулся к Апуокасу. — Хочешь нам помочь?

Апуокас поморщился, словно набрал в рот кислого.

— У вас уже есть Вайткус. Разве недостаточно?

— Повезем в город,— сказал Бронюс.— Будешь говорить с прокурором.

Апуокас зевнул и отвернулся. Увидел Вайткуса и снова провел рукой по шее, показывая Вайткусу — так, мол, вешают.

Миколас обнял длинной рукой Яуниса и сказал:

— Забеги в школу... Скажи.

Больше он ничего не добавил. Апуокас критически отглядел Миколаса и снова зевнул. Поисками глазами Вайткуса. Увидел. Вайткус глядел на него. Потом председатель подошел к Донатасу. Тот рассказывал Альдоне о кенгуру и пояснял рассказ жестами. Вайткус по-

дошел к Донатасу и, став спиной к Апуокасу, сказал:

— Третий день на исходе...
— Чего?!

Альдона воспользовалась случаем и ускользнула.

— Третий день,— повторил Вайткус.

Донатас удивился. Он не забыл, только думал, что третий день кончается завтра.

— Апуокас,— сказал Вайткус,— который сидит в одноколке. За спиной у меня. Он убил вашего отца. Локиса.

— Кто подтвердит?— спросил Донатас.

— Мельник.

— Еще кто?

— Он сам, может быть.

Они смотрели друг другу в глаза.

— Боишься Домового?

— Да,— признался Вайткус.

— Зря.

Донатас подошел к Бронюсу.

— Слушай,— заявил он.— А что если мне поехать с обозом в город? Дела. И Яунису будет спокойнее.

— Езжай,— Бронюс вспомнил просьбу Яуниса.— Вдвоем и впрямь будет спокойнее.

Донатас взял винтовку и сел в одноколку рядом с Апуокасом. Тот шевелил связанными руками и, заметив, как Вайткус обходит его кругом, рассмеялся.

— Не слишком ли рано веселишься?— заговорил Донатас.

Пленный пытливо оглядел его.

— Неужто сразу плакать? — удивился Апуокас.

Обоз с грохотом катил по мостовой. Когда проезжали мимо лежащих на площади бандитов, крестьяне-возчики сняли шапки и меланхолически перекрестились. И Донатас приподнял шапку. В костеле зазвонили колокола.

— И звонят и звонят, и конца не видно,— проворчал возчик.

Бронюс тряхнул яблоню. На землю упали яблоки. Он постоял, посмотрел, потом сорвал с ветки самое большое яблоко, надкусил. Вышел на лужайку, расстелил кусок старого брезента и швырнул на него винтовки. Положил масло и паклю. Принялся чистить оружие. Когда явилась Альдона, он спросил:

— Породнимся, значит?

— Может быть,— ответила девушка.

— Присаживайся. Яунис просил меня помочь... Помешать... Черт подери.

Альдона села. Лицо ее вытянулось, стало тревожным.

— Ты дружишь с Яунисом? Да? Еще с тех времен? Когда вы были маленькими?

— Нет,— ответила она.— Когда мы были маленькими, мы играли с вами.

— Я был старший,— воспротивился Бронюс.

— Все равно вы со мной играли,— засмеялась девушка.— Мы прятались от всех. А Яунис не мог нас найти и хныкал. Вы приносили мне яблоки. Вот из этого сада. Зеленые-зеленые. У нас еще животы болели.

— Яунис просил меня...

— Яунис всегда был самым молодым,—

сказала девушка.— Не смешно ли — он тогда был самым молодым, и теперь он самый молодой.

Бронюсу не было смешно. Он чистил винтовку и думал, что же случилось за эти десять лет, раз он ничего не мог припомнить. Разве у него когда-то болел живот от неспелых яблок?

Он вспомнил осколок мины, который вытащили у него из живота в Смоленске. Осколок был черный от пороха, а рана гноилась до весны. Он молчал и прислушивался, как шелестят ветки и падают наземь яблоки.

— Не знаю,— сказал Бронюс.— А я всегда самый старший...

Снова упало яблоко, и Бронюс вздрогнул.

— Вы были в Берлине?

Он покачал головой.

— А в Сталинграде?

В ее глазах отражалась небесная синева и яблони, полные спелых круглых плодов.

— Где-то ты все равно был, если тут тебя не было?

— Великие Луки,— пробормотал он.— Сидели в вязкой глине по шею, но немцы не могли к нам подойти. Их машины завязли еще в октябре, когда прошли первые дожди... Орел. Мы шли в бой по снегу. Без хлеба, без надежды. Без патронов. Об этом газеты не писали. Рига... Немец стоял спиной к морю, и мы думали, что он будет биться до последнего. Но это был уже не тот немец. Они сдавались в плен полками. Была весна, и никому не хотелось умирать.

— И тебе тоже?— спросила она.

— Да! — крикнул он. В его голосе слышалась злость.

Альдона взяла его руку и поцеловала. Никто до сих пор не целовал у него руку, и Локис не противился.

— Мы прятались тогда с тобой ото всех, говоришь?

— Знала я, — обрадовалась она, — что не помнишь.

— Ты выдумала, — пробормотал Бронюс, бросил винтовку и обнял девушку. На минуту он вспомнил о Яунисе, а потом забыл все. Белокурые волосы девушки были измазаны ружейным маслом.

Обоз въехал в дубовую рощу. Яунис на первой телеге затянул партизанскую песню. Крестьяне, согнувшись на облучках, дымили трубками и погоняли лошадей. Лес тянулся на пять километров, и возницы старались проехать его как можно быстрей. Донатас придерживал коня, и одноколка понемногу отставала от обоза. Вынув нож, Донатас разрезал на пленном веревки.

— Беги! — приказал он.

Апуокас испугался и отрицательно покачал головой.

— Ну, — повторил Донатас.

Пленный вцепился в облучок.

— Нет, — шептал он.

Донатас толкнул его плечом, и тот свалился с одноколки. Подскочил. Встремхнулся и попытался снова вскочить на повозку. Локис свистнул кнутом.

— Еще чего?

Но тот не отходил от повозки.

— Нет, — умолял он.

Апуокас бежал рядом, держась за борт одноколки. Донатас остановил повозку, слез и хмуро бросил:

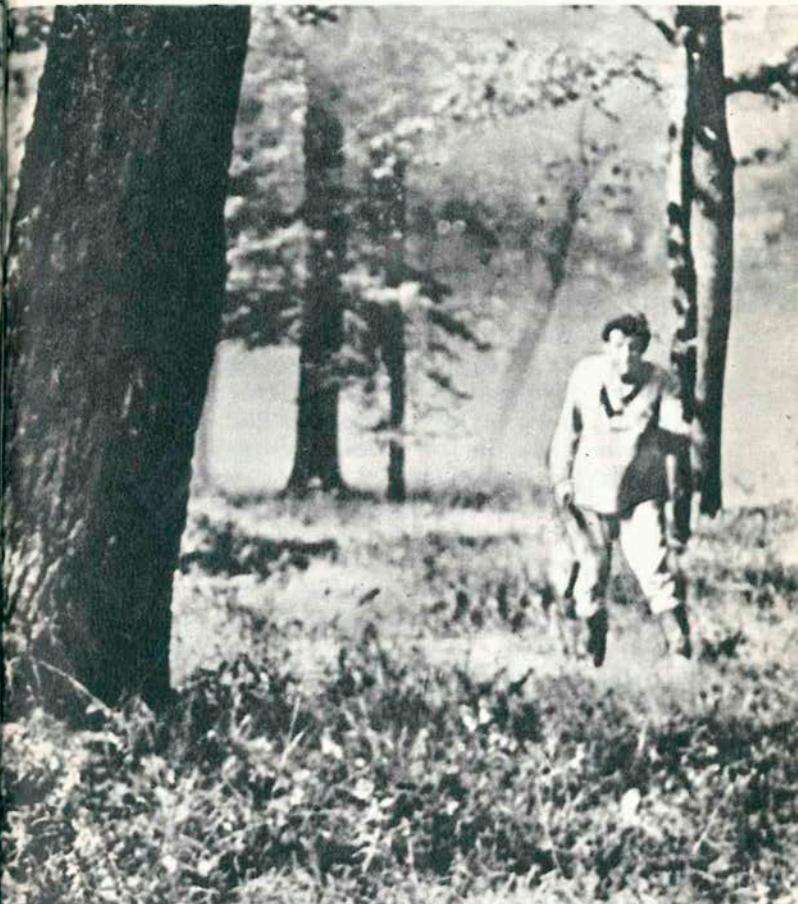
— Ты убил моего отца.

Потом ударил Апуокаса в грудь. Тот отшатнулся, но не упал. Донатас вынул из-под облучка винтовку.

— Иди, — показал он на лес.

Апуокас рухнул в пыль и закрыл локтями голову.

Он ничего не говорил, не просил. Он унижался и извивался, как червь, стараясь дотянуться губами до сапога Локиса.

— Вставай! — заскрежетал зубами Донатас.

Он перепрыгнул через канаву и подождал, пока бандит, приседая и волоча ноги, выберется на край рва.

Когда они подошли к заросшей высокой травой полянке, Донатас пропустил Апуокаса вперед. Тот перекрестился. Позволив ему немного отойти, Донатас поднял винтовку и нажал курок, но вышла осечка. Бандит бросился наутек. Донатас выстрелил, но в спешке не попал. Он кинулся вдогонку за бандитом. Несколько раз перед ним мелькала фигура Апуокаса, но он не успевал выстрелить. Потом он услышал треск кустов. Нашел ботинок. Потом второй. Видно, бандит облегчал себе бег. А потом наступила тишина. И Донатасу показалось, что он заблудился. На губах его выступила пена. Было слышно, как билось сердце. Он тревожно оглянулся. Всюду деревья.

Вдруг раздалось тихое посвистывание. Между деревьями показался мальчик. Он шел по одному ему видимой тропинке и за пазухой нес длинноухого кролика. Донатас помахал мальчику рукой. Увидев человека с ружьем, мальчишка, не долго думая, бросился в сторону.

— Подожди! — крикнул Донатас. — Стой, говорю! — выстрелил в воздух.

Мальчишка был быстрым и шустрым. Он перепрыгнул нору, обогнул кусты и, запыхавшись, упал прямо в объятия Апуокаса. Он

ничего не соображал. Думал о кролике. Где-то неподалеку послышалось:

— Подожди.

Апуокас зажал мальчишке рот, а другой рукой сдавил горло. И не разжимал рук до тех пор, пока не убедился, что Донатас повернулся в другую сторону. Голова мальчика свесилась, и когда бандит отпустил его, легкое детское тело соскользнуло в траву. Тогда из-за пазухи мальчика выскочил кролик и бросился в сторону.

Донатас вышел на дорогу в разодранной рубахе, с исеченными ветками лицом, подошел к телеге и сел. Но обоз не трогался с места. Крестьяне испуганно смотрели на Донатаса. Один из них снял шапку и перекрестился. Подошел Яунис.

— Ты убил его? — спросил он. Донатас молчал. — Убил. Я слышал, — повторил Яунис.

— Да, — соврал Донатас. Он не знал, что теперь хуже.

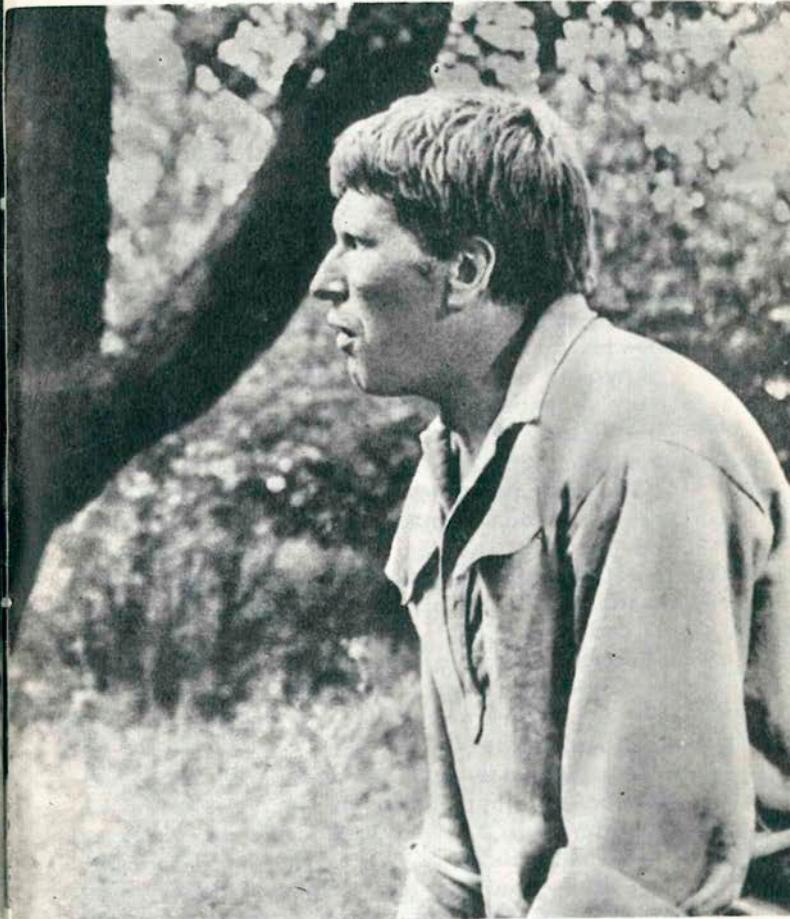
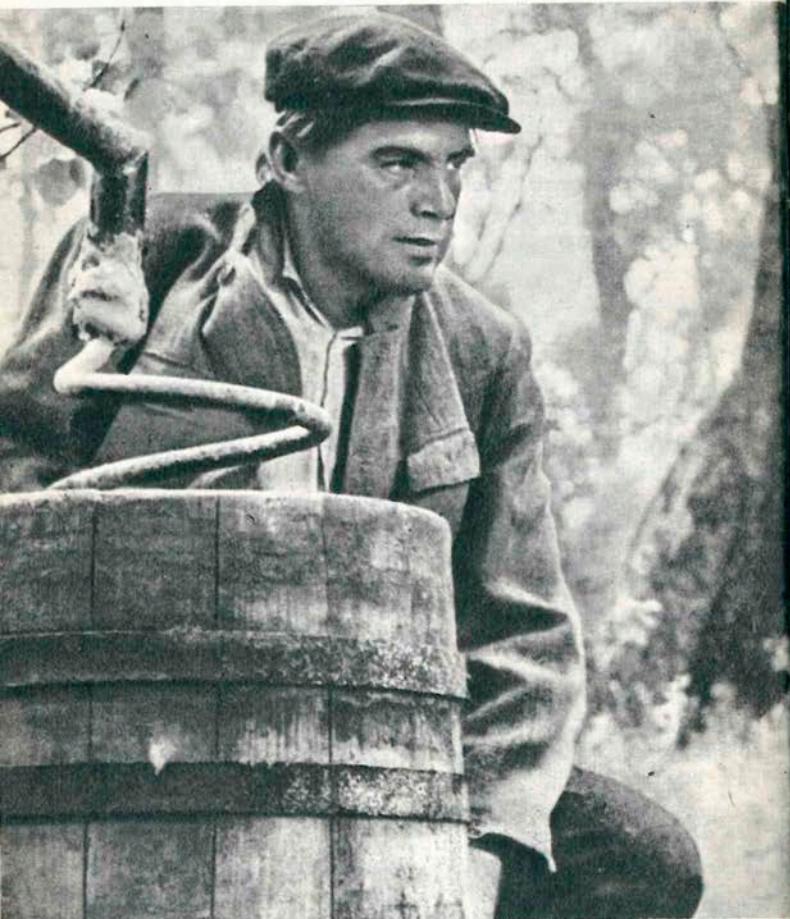
— Посмотрим, — сказал Яунис. — Попадет тебе за такие дела. Это тебе не девок сматывать.

Оба уселись в телегу. Донатас хлестал коня, и тот скоро покрылся испариной.

— Хватит, — крикнул Яунис и отнял у него вожжи.

— Спой, — попросил Донатас. Он боялся, что вот-вот заплачет.

Яунис был самый голосистый в семье. Он затянул бесконечную песню о крестьянской доле. А вскоре лес кончился.

На опушке валил дым. Апуокас прятался в папортнике, пока не убедился, что святой Юозапас один. Тогда он подошел сзади и сказал:

— Хвала Иисусу Христу.

Апуокас заметил, как тот перепугался. Бандит налил себе браги и прямо спросил:

— Ты с кем, святой Юозапас? С Советами или с нами?

— Я со своей бабой,— ответил тот.— Не плохая политика, а? Выпил? Ну и убирайся.

Когда Апуокас схватил лежащий у поленьев плотницкий топор и замахнулся, Юозапас уже миролюбивее сказал:

— Не дури.

Апуокас отшвырнул топор, но влепил Юозапасу кулаком в переносицу.

— Ладно уж. Хватит. Чего тебе?— буркнул Юозапас.

Оба выпили по целой.

— Спрячешь меня.

— Спрячу.

— Сходи к мельничихе и скажешь, чтоб связалась с Главным. Пусть передаст ему, что я на свободе.

Юозапас кивнул. Глаза у него были трезвые. Он никогда не напивался.

— А еще пусть скажет, что Вайткус предал нас на мельнице.

Насмешливые глаза Юозапаса затуманились. Бандит почувствовал, что «святой» не слушает его, и ткнул Юозапаса в грудь.

— Слышишь?

— Да,— очнулся тот.— Почему Вайткус за продался, а? Чего он ждет от коммунистов?

— Не твое дело, г... — воскликнул Апуокас. — Ступай и передай, что велено.

— Главный все знает,— сказал Юозапас.— Как бородач погиб? Он был пьян?— неожиданно спросил «святой».

— Не очень,— опешил Апуокас.— Самую малость.

Юозапас вынул парабеллум с деревянной ручкой.

— На,— сказал он.— Будешь на месте бородатого. Вот щепки. Следи, чтоб огонь не погас. И поразмысли, как зарыть братьев рядом с отцом. Стемнеет — отправишься за реку собирать людей. — Юозапас вытер окровавленный нос и ушел.

В риге сидели Она и Вайткус.

— Хочу, чтоб ты любил меня каждый день. Каждый час, — шептала женщина.

Вайткус улыбнулся.

— Ты красивый, когда смеешься.— Он поцеловал ее.— Еще... Ты всегда серьезный, злой, пьяный...

— Неужто я пьяный?

— Сейчас ты начальство. Тебе нельзя пить. Но ты злой. Ты заодно с Локисами?

— Хочу мира.

— Не будет мира,— рассмеялась она.— Если меня не обнимешь. Не так, невежа ты.

Он поцеловал ее, а когда поднял голову, сквозь щель в стене сеновала увидел Юозапаса, пробирающегося по огороду.

— Пусти,— сказал он женщине.

— Не бойся. Он сюда не придет.

— Пусти,— он оттолкнул ее.

Юзапас на минутку исчез, потом появился у дверей риги. Открыл. Увидел жену и Вайткуса. Побагровел.

— Молотите?— спросил сам не свой.

— Только ты уж не вздумай ревновать,— пробормотала она. И Вайткус не знал, что думать.

Юзапас повернулся, чтобы уйти, и стукнулся головой о косяк. Обернулся. Они первый раз увидели Юзапаса, потерявшего самообладание. Он глядел на Вайткуса и почему-то медлил.

— Я пойду,— не нашел ничего лучшего Вайткус и встал.

— Оставайся,— сказал Юзапас.— Кратка наша жизнь.— И вышел.

— Говорила, не бойся,— прошептала Она.

— Почему он не полез в драку?

Женщина, смущаясь, мучительно признавалась:

— Не муж он мне. Брат почти. Только не от одной матери. Явился после войны. Просил— скрой. Не выгнать же его было. Муж мой настоящий погиб в Восточной Пруссии. Слышал, может?

— Ты живешь с братом?— испугался он.

— Дурак! После того как муж ушел на войну, я ни с кем не жила. Никого не любила. Ты не знаешь, какой он был, муж,— рассмеялась она и прижалась к Вайткусу.

— И тебя не люблю. Жалко только, рохлю такого.

Он повалил ее на лежанку. Жадный, испуганный, полный предчувствий.

Когда Вайткус вернулся в контору, среди дымка и гула он поначалу ничего не разобрал. Потом увидел свидетелей— двух крестьян, возчиков из обоза.

— Ты видел, как он оставил телегу и погнал в лес? А дальше?— допрашивал крестьянина Бронюс.

— В лесу выстрелил. Два раза.

— С чего ты взял, что стрелял Локис?

— У того не было ружья.

Бронюс обратился ко второму крестьянину. У него было грустное лицо. Он держал на груди шапку с потертым лакированным козырьком.

— Что ты знаешь? Что ты видел?

— Ничего.

— Слышал выстрелы?

— Ничего.

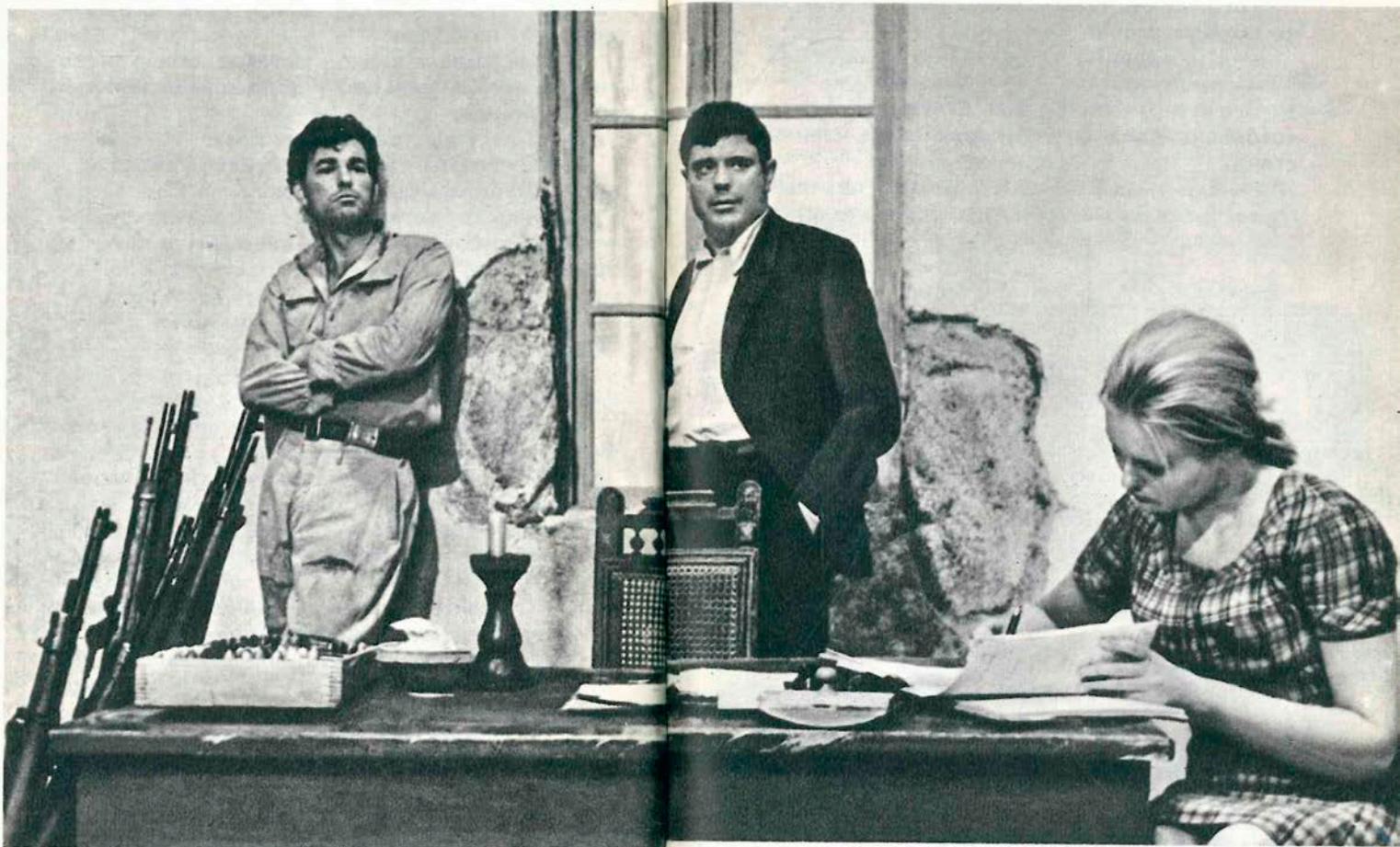
— Как же получается?— Бронюс заметил Вайткуса и уступил ему место за столом, но тот не сел.— Как же получается? Юргинис слышал, а ты ничего?

— Его дело,— сказал крестьянин с грустным лицом.— Он хотел— он слышал. Сам и ответит.

— Ступайте,— сказал Бронюс.— И скажите людям, виновного накажем.

Крестьяне вышли. По лицам было видно, что они не поверили.

— Какое ты имел право?— напустился Бронюс на Донатаса.— Разве винтовка дана тебе для того, чтобы убивать? Какая тогда разница между тобой и бандитом, которого ты убил, если оба вы не признаете закона? Тебе говорю!

— Он убил нашего отца,— сказал Донатас и глянул на Вайткуса.

Тот наконец понял, в чем дело, и откровенно обрадовался.

— Кто видел?

— Мельник.

Все помолчали. Братья. Вайткус. И Альдона, которая сидела в углу, прислонясь спиной к стене.

— Если мы хотим, не стыдясь, смотреть в глаза людям, мы обязаны тебя наказать,—

сказал Бронюс.— Отдай винтовку. Яунис уведет тебя в клеть и запрет на замок.

Донатас зевнул. Он едва удержался, чтобы не выругаться. Только сказал:

— Сам пойду. Не нужно мне конвоира.

И швырнул винтовку под лавку.

— Нет!— воскликнул Бронюс.— Пойдешь с провожатым. Чтоб люди видели и знали, что закон для всех один. Чтоб не боялись ни Домового, ни тебя. Ступай.

Донатас снова проглотил слова. В дверях он остановился и шепнул Вайткусу:

— Берегись. Я отпустил его. Винтовка подвела.

Хлопнули двери. Вайткус обмяк. Все гляделы на него, но он покачал головой.

— Это наши личные дела.

— Ты заходил к секретарю? — лениво спросил младшего брата Бронюс. Казалось, ему все равно.

— Я его не нашел. Письмо оставил. И о мельнице и о самоуправстве Донатаса.

— Ну и ладно,—Бронюс устал. Он стоял и тер ладонями спину.— Пускай приезжает и сам разбирается.

— Бронюс, а если мать не позволит запереть Донатаса?— спросил Яунис, и все подумали об этом.

Локис побагровел и воскликнул:

— Скажи, именем Советской республики! Яунис побежал догонять Донатаса.

Бронюс встал возле Альдона и запустил пальцы в ее волосы. Запахло ромашками. Он почувствовал, как ее голова, и шея, и спина поддались ласке.

— После мельницы у нас осталось десять свободных винтовок. Надо их разделить. Отдать в надежные руки.— Он обратился к Миколасу:— Возьми половину винтовок и ступай по дворам. А я с председателем возьму остальные.

— Может, вызвать солдат? — предложил Вайткус.
Он сидел бледный и не мог скрыть испуга.

Медлил. Не хотел, чтобы подумали, что он струсил.

— Я был на опушке у святого Юозапаса,— сказал он.

— За водкой ходил?

— Нет,— осмелел Вайткус.— Я люблю его жену. Сегодня он нас застукал.

— Вроде бы нет причины звать солдат,— пробормотал Бронюс.— Ты любишь его жену. Он, бедняга, тоже любит ее.

— Но он не муж ей. Скорей всего брат. Год назад заявился.

Альдона рассмеялась. Ей было непривычно и хорошо. Она не отталкивала руку Бронюса. Притворялась, будто не замечает. Вайткус больше не распространялся. Он глядел на Бронюса, словно старался объяснить ему все взглядом, как своему немому отцу. Вайткус не знал — понял ли его Бронюс, но сказал то, что чувствовал.

Мужчины поправили на плечах винтовки.

— С кого начнете обход? — спросил Бронюс девушку.

— Начнем с моего отца, — сказала она.

Бронюс пытался вспомнить, как выглядит ее отец, но не смог.

— А мы, председатель, начнем, должно быть, со святого Юозапаса.

Окна изнутри были облеплены лицами, как мухами. Лица молча следили за приближающимися к избе.

В сенях было пусто. Альдона велела Миколасу оставить винтовки. И кухня бы-

ла пуста. Альдона ввела Миколаса в горницу, но и там никого не было. Они стояли под образами и ждали.

— Отец! — наконец воскликнула Альдона. — Гости!

За дверьми послышался шепот, потом шаги босых ног. Показался отец в пиджаке, в чистой, выстиранной рубахе.

— Локис.

— Вовере, — сказал отец. Он был еще не старый.

Познакомились. Сели.

— Мы по делу, — начала Альдона, но отец перебил ее:

— Пусть первым говорит гость. — У него был торжественный вид, он волновался.

— Могу и я начать, — согласился Миколас.

— Раньше, бывало, начинал сват, — заметил отец.

У Альдоны даже слезы выступили. Учитель рассмеялся. Подумав, что это непочтение, он покраснел и пожал широкими плечами, сметая со стола крошки. Отворились двери соседней комнаты, и на гостей уставился десяток глаз.

— Это не тот Локис, — волновалась Альдона. — Локис, но не тот. Это его брат.

— Мы вам принесли винтовку, — сказал Миколас.

— А зачем мне винтовка? — удивился хозяин.

— Для охраны. Дочь — комсомолка. Вы что, бандитов не боитесь?

— Так ведь это она комсомолка, а не я, — никак не мог понять Вовере. — Ей и пристало с

винтовкой. А я честно прожил до сих пор. Все знают. Я и умру, никого не убив.

— Вам повезло, — сказал учитель. — Я тоже хотел бы.

Альдона заплакала, и слезы ртутью падали на стол. А в ушах еще звенел ее смех.

Бронюс и Вайткус вошли в усадьбу Юозапаса и свернули на сеновал. Под навесом сидели Юозапас, Юодис и беззубый старичок, нюхающий ломоть хлеба.

— О-о! — удивился Юозапас, но Локис знал, что тот заметил их еще издали. На столе стоял добрый десяток стаканов, и нельзя было понять, сколько людей сидело за столом до их прихода. Юодис распрощался. Он унес с собой стеклянную бутыль. Бронюс взвалил на стол винтовки. Стаканы тихо зазвенели.

— Водки? — спросил Юозапас.

— Нет.

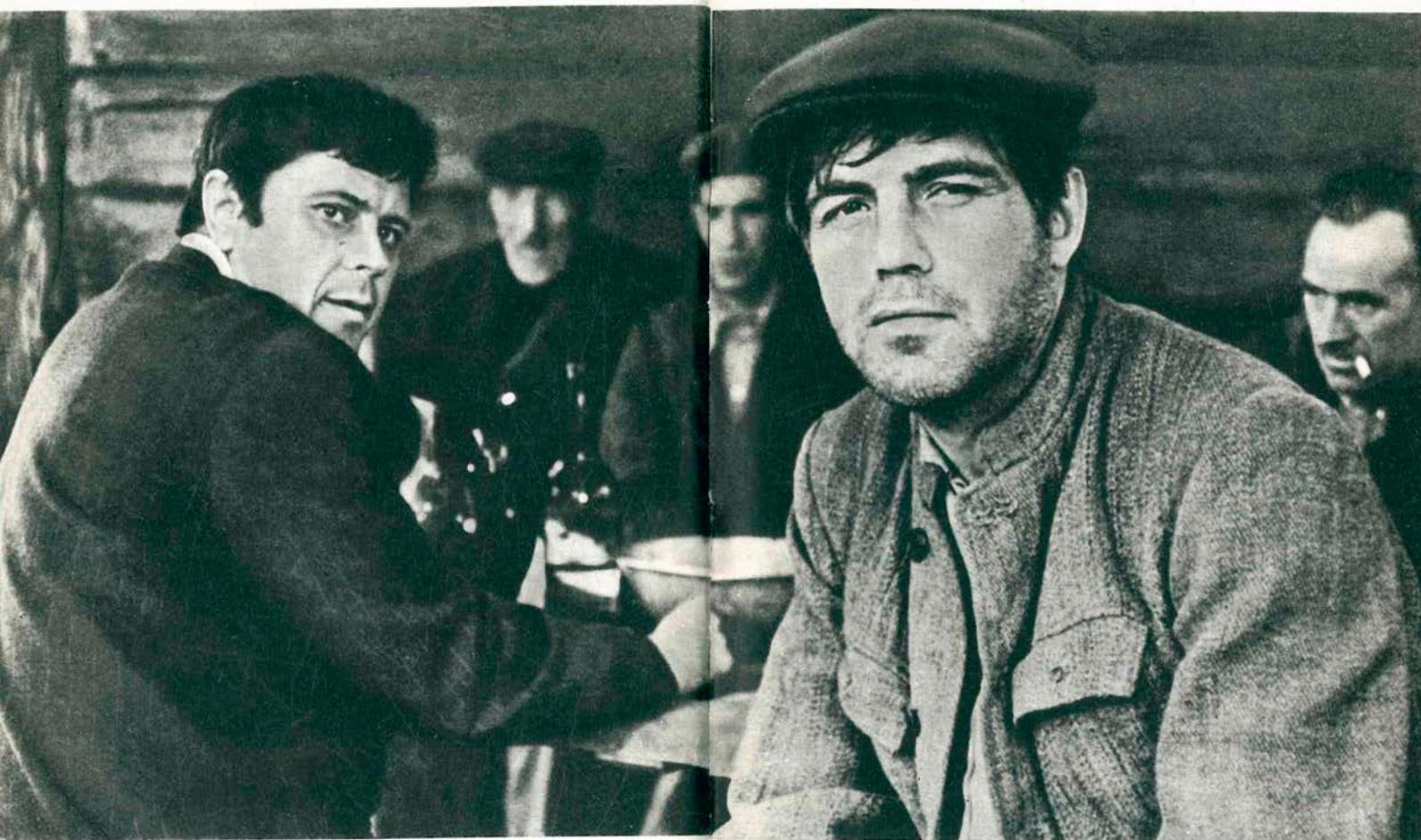
— Слышино, будто раздаете крестьянам винтовки, — осведомился он.

— Неужто уже слышно? — удивился Бронюс. Потом спросил: — Заходят сюда, должно быть, и такие и сякие. Не так ли?

— Люди ищут хмельного. И такие и сякие. Не осудишь ведь. Вам-то чего надобно? — спросил он и посмотрел на Вайткуса.

— У меня к тебе просьба, — сказал Локис. — Сделай милость, сведи с Домовым.

Вайткусу показалось, что Локис и Юозапас чем-то похожи друг на друга. Оба они были на голову выше его. Говорили, прямо глядя друг другу в глаза, и Вайткус почувствовал

себя ненужным. В риге кто-то зашевелился, и Вайткус подумал, что это Она. Ему захотелось опрокинуть стол, послать всех к чертям, закрыться в риге и, зарывшись в сено, не думать ни о муке, ни о винтовках.

— Для переговоров? — спросил Юозапас Бронюса.

— Называй, как хочешь, — хрипло пробормотал Бронюс. — У Домового дела безнадежны. Может, надо человеку объяснить? Разве не так?

— Возможно. — Юозапас не спорил. Он только глянул на небо и процедил: — Поможем.

Оны не было в риге. Она пришла из избы. Пришла, положила рядом с винтовками полковриги хлеба и собрала пустую посуду. Вайткус придинул к себе винтовку, казалось, он не хотел, чтоб она мешала хозяйке убирать со стола. Беззубый старичик дремал, и никто его не будил.

— Чего он хочет? — Бронюс почти лег на стол, чтоб не садиться — болела спина. — Земли? Власти? Хорошо. Убьет меня, мне это не впервые. Убьет еще кого-то. Вайткуса убьет. Ну и что?

Вайткус почувствовал, как у него темнеет в глазах. Он схватился за руку Оны. Та вырвалась.

— Скажи ему, — горячо говорил Локис. — Настрадалась Литва. Хватит.

Она очнулась и заперла снаружи дверь риги.

— Разве всех истребишь? Бабы народят больше детей, чем патронов у всех Домовых.

И не запретишь бабам этого удовольствия. Не так ли? Пускай он убирается ко всем чертям. Пусть не портит тут воздух. Понял? Убивать стариков и детей ему не позволим.

Бронюс прищурился, выпрямился и схватился за бока.

— Много я тут наговорил?

— Много, — искренне согласился Юозапас. — Но красиво.

Бронюс собрал со стола винтовки и повернулся ко всем спиной.

— Встретятся с Домовым, пусть сами потолкуют, — сказал Юозапас Вайткусу. А когда и тот поднялся, добавил: — Погоди. Главный хотел бы с тобой повидаться. Просит тебя, если...

— Нет, — сказал Вайткус.

Вайткус ушел. Из темной риги послышался голос.

— Если бы твоя баба не заперла дверь, я бы им сказал словечко.

Возможно, там был заперт Апуокас.

— Учись у товарища, — сгорбился Юозапас. — Если уж говоришь, все выкладывай, а не по словечку.

Миколос и Альдона ходили вокруг дома и стучали в почерневшие ставни. После долгого молчания послышалось:

— Кто там?

— Свои. Пустите.

— Мы спим. Чего вам?

— Поговорить. Я Локис. Фамилия такая.

— Спим.

— Не понял ты, человек. Я учитель. Пустите.

— Спим. Если хотите, ломайте двери.

— Тьфу! — сплюнула Альдона.

— Не дури, сосед, — воскликнул Миколас. — Свой же человек. Неужто не помнишь меня?

— Я сам по себе, — послышалось изнутри. — Для меня все хороши.

Миколас снова постучал.

— Кто там? — не сразу отозвался голос.

— Свои.

— Спим. Чего вам?

— Поговорить. Локис я. Фамилия такая. Учитель.

— Чего?

— Тьфу!

Локис и председатель повернули к хутору Виржиса.

Во дворе двое мужчин стригли овец. Заметив пришельцев с винтовками, они бросились наутек.

— Стой! — крикнул Бронюс.

Один остался, но второй успел перемахнуть через забор и скрылся в овсе. Тот, который остался, поднял руки.

— Кто этот, который сбежал? — спросил Локис.

— Свояк.

— Скажи, пусть вернется.

Тот позвал, но никто не ответил.

— Наверное, не слышит, черт, — удивился Виржис.

— У зайца уши длинные. Мог бы и услышать, — буркнул Бронюс.

Виржис снова позвал. Из избы вышла женщина, должно быть, сестра Виржиса, жена убежавшего.

— Ничего у нас нет, — простонала она. — Ничего не уродилось в этом году. А вчера борова увеличили. Хромовые сапоги унесли.

— Кто увел? Кто унес? — спросил Локис.

— Замолчи, — сказал Виржис сестре.

— Пощадите! — Женщина хотела поцеловать Локису руку.

— В избу марш! — закричал Виржис.

И та, подхватив юбку, убежала.

— Бандитов подкармливаете? — спросил Локис.

Виржис косился на Вайткуса и не знал, что и подумать. Вайткус отошел в сторону и начал гонять овец. Овцы, наполовину стриженные, блеяли и сеяли горошины.

— А что поделаешь? — прошептал Виржис. — Супротив пойдешь? Не судите женщину. Послала она утром мальчиконку за солью к бабушке. Та за рекой живет. Как в воду канул байстрюк. А тут мясо солить надо. Одни убытки. Разве супротив пойдешь?

— Ты за Советскую власть? — спросил Бронюс.

— Да, — сразу ответил крестьянин. Подумал и повторил: — Да.

— И я думаю — да, — сказал Локис. — В сороковом мы тебе в реформу земли прибавили. Не пожалели. Неужто забыл?

— Разве забудешь? — Виржис наконец узил Локиса и снова крикнул: — Стяпас!

Тот вылез совсем с другой стороны, с запачканным лицом, дрожащими руками:

— Хвала Иисусу Христу... Во веки веков.— Когда Стяпас говорил, зубы его поскрипывали, как немазаные колеса: видно, сидя в овсе, наглотался земли.

— Винтовки мы принесли,—сказал Бронюс.— Домового ловить будем.

— Разве человеку под силу поймать Домового?— усомнился Стяпас. — А коли не поймаешь, куда денешься?

— В пекло,— рассмеялся Бронюс.— На,— бросил винтовку.— На.

Глянул, как крестьяне держат в руках оружие, и остался доволен.

— А когда ждать-то?— спросил Виржис. В избе Локисов было тихо. Все старались не смотреть на мать.

— Может быть, и нынче ночью,— сказал Бронюс, когда все поели и вытерли губы. Он увел Яуниса на кухню.—Ляжешь тут. Ставни не закрывай. Если можешь — не спи.

— Господи,— простонала мать.

— Миколас!

— Да!

— Господи...

Бронюс поднялся на чердак, глянул в треугольное окно и сказал учителю:

— Отсюда ты будешь видеть дорогу и площадь. Так?

— Господи..

Он повесил на гвоздь патронташ и спустился в кухню.

— Мама, — попросил он. — Дай чем накрыться. В саду буду спать.

— Господи!..

Мать пошла за одеялом, Бронюс глянул на пристроившуюся под образами Альдона. Она расстегнула кофту и ждала, пока разойдутся мужчины. Яунис лег на лавку и посмотрел вслед Бронюсу.

Бронюс вышел в сад и постелил себе под деревом, где днем Альдона поцеловала его руку, где он целовал ее в губы. Сквозь ветки была видна луна, бесцветная и маленькая. Больше, чем яблоко, но маленькая.

— А мы с тобой здесь ляжем, — сказала старая Локене девушке, поправляя постель.— Если к родителям не хочешь вернуться.

Над кроватью висел портрет старого Локиса. И Альдона подумала, что раньше он спал здесь. Это ее не смущало. Она знала старика, и, сколько помнит, они ничего не имели друг против друга. Альдона разделась. Откуда-то издали, словно из погреба, послышался голос Локене:

— Пойдешь ко мне в невестки?

— Люблю, — прошептала девушка и закрылась простыней.

Локене сложила на кровать молитвенник, четки и подготовилась к молитве.

— А откуда знаешь?— спросила старуха.

— Болит вот здесь. — Альдона ладонью провела по левой груди, там, где сердце.— Думаю о нем. Снятся его руки. И гляжу, гляжу. Он такой медведь...

— Глупости,— произнесла Локене.

Девушка улыбнулась.

— Ты бы хотела иметь от Бронюса детей?— спросила мать. Казалось, она читает по молитвеннику.

— Не знаю,— сказала девушка.— Не думала.

— Подумай. Если хочешь от кого-то иметь детей, значит, выходит замуж, любишь.

— ...

— Хорошо у нас выходило со старым Локисом,— глядела в молитвенник старуха.— Все сыновья. Дали бы начать все сызнова — я бы родила десять.

Вдруг она заплакала. Слезы намочили молитвенник.

— Потолкуй с Бронюсом. Пускай остается у нас. Пускай не боится. Я буду нянчиться с внуками.

Девушка засмеялась. Может быть, она подумала, взаправду ли любит Локиса.

Яунис лежал на кухне лицом к двери, за которой решилась его судьба, и слушал, как, попискивая, скребутся мыши в подполье.

Тревога билась под соломенными крышами деревни. Вайткус, в одной рубахе, сидел в мастерской на низком, оббитом кожей стуле и смотрел в окно. Когда вошел отец с керосиновой лампой, Вайткус показал ему что-то пальцами, и отец задул огонь. Посидели. Потом молчали. Потом отец что-то сказал. Сын от-

ветил. Нехотя. Отец не уступил. Казалось, он уговаривает сына, а может, успокаивает. Может, утешает себя. На улице, освещенной луной, за окном, разлинованным деревянными рамами, как лист в клетку, появилась фигура вооруженного человека. Человек остановился. Приблизился к окну и прислонился к стеклу, заглядывая внутрь.

В темноте вспыхнула спичка и осветила половину лица Вайткуса. Потом Вайткус зажег папиросу, но спичку держал в пальцах, пока не обжегся.

Бронюс Локис прищурнул глаз и будто улыбнулся, будто сказал что-то. Было видно, как он отпрянул от окна и вышел на середину улицы, меряя ее своими длинными ногами. Вайткус хотел подняться и позвать его. Ему хотелось с кем-то поговорить. Но он остался сидеть. Знал, что не позовет.

За полночь Локене проснулась. Сама не знала отчего. Перекрестилась. Протянула руку за молитвенником и сбросила его наземь. Когда встала, чтобы поднять книжечку, увидела пустую кровать старика. Вышла на кухню, где Яунис во сне обездыпал лошадей. Локене вынула у него из рук винтовку и поставила ее в угол. Укутала младшего одеялом и поднялась на чердак. Миколас пускал в ствол винтовки колечки дыма и смеялся. Мать даже испугалась. Потом увидела у него на коленях книгу. Под потолком мерцала солдатская лампочка.

— Глаза поберег бы,— попросила мать.

Миколас подхватил винтовку и смущался.

— Да,— сказал он и швырнул книгу в угол.

— Миколас, — нараспив начала мать. — А наука облегчает жизнь?

— Нет.

— Так, бросай все и возвращайся домой.

— Нет,— ответил он.— Теперь поздно. В университет хочу. Учиться. На профессора. Ничего другого не смогу.

— Ты бы женился,— предложила она.

— Потом.

Локене стояла на лестнице, и сыну была видна только ее голова. Они смотрели друг на друга и не знали, что сказать.

Мать подошла к клети и позвала. Она знала Донатаса и могла поклясться перед богородицей, что тот не спит.

— Донатас!

— Я, мать.

— Ничего не надо?

— Спасибо, мать.

— Может, выпустить тебя на минутку?

— Не надо, мать.

За спиной Локене показался мужчина с винтовкой, но мать не заметила его и продолжала разговаривать с Донатасом.

— Почему ты убил того человека в лесу, Донатас?

— Не убил я. Хотел убить, но он убежал, мать.

— Значит, живой?— Из клети не ответили.— Слава тебе господи! Хватит греха, Донатас. Хватит несчастья для нашего дома. Послу-

шайся матери. Неужто не можешь удержаться? Хватит крови.

Она смотрела наверх, в окно клети, и со стороны казалось, что Локене в чем-то каётся, говоря с богом, в которого она одна верила из всей семьи.

— Я думаю об этом, мать.

— И хорошо, — успокоилась старуха.

Она увидела Бронюса. Тот подошел и встал у стены клети так, чтобы Донатас не видел его.

— Он не убил его, сын,— сказала мать Бронюсу.

— Пусть. Но он хотел. Это то же самое.

— А ты никогда не убивал?

— Я солдат, мать. Если могу — не стреляю. Мать перекрестила белеющее вверху треугольное окошко, потом Бронюса, потом перекрестила еще раз, и ей стало легче.

— Альдоны нет,— тихо сообщила она.

— Знаю.

— И хорошо.

Они разошлись. Бронюс вернулся в сад и вдруг услышал строгий голос:

— Стой. Стрелять буду.

Бронюс засмеялся и сорвал с дерева яблоко. Потом лег и подал его Альдоне.

— На,— сказал он.— Спелое какое.— Он смеялся.— От таких живот не заболит. Не так ли?

— Спелое — стало быть червивое, — тихо возразила Альдона.— Но зеленые теперь вряд ли найдешь.

Они лежали, чувствуя тепло друг друга. А над головой было небо...

На рассвете, когда прокричали несмелые петухи, на площадь вкатила бричка и остановилась у мастерской сапожника. Возница скинул кожух и сполз с облучка, обнажив длинные женские ноги. Постучав в окно мастерской, женщина сказала:

— Она.

За стеклом белело лицо Вайткуса. Он словно сразу постарел и сгорбился. Не хотел выходить.

— Собирайся! — требовала женщина.

Он что-то спросил. Возможно, «куда». Женщина развела руками. Шевеля ногой в лужице, она ждала.

Когда Вайткус открыл дверь, она схватила его за руку и повела к бричке. Лошадь не спеша пустилась по улице, и бричка выскочила на холм. Здесь Вайткус схватил вожжи и остановил лошадь.

— Чего? — удивилась женщина.

— Я не вор, — сказал он. — Ключ от конторы обязан оставить.

— Не выпустят они тебя.

— Я не арестант. — Он стремглав бросился назад.

У дома Локисов он остановился, но только на мгновение. И побежал к конторе. А в деревню уже собирались бандиты. По садам и вдоль заборов они пробирались к площади, окружая ее со всех сторон. Если бы Вайткус так не спешил, он, наверное, заметил бы Апуокаса, что-то вынюхивающего около конторы. Вайткус не закрыл за собой дверь. Надеялся, видно, что не задержится.

Бронюс вдруг сел и посмотрел на хмурое небо. На куске брезента, намокшем от росы, лежала кучка яблочных огрызков. Бронюс оглянулся, и лицо его прояснилось. Подогнув подол, Альдона на лужайке умывалась росой.

Бронюс поднялся, легкий и гибкий. Казалось, кто-то вынул из него былую боль. Альдона покраснела и поправила юбку. Она сама удивилась своему смущению. Локис стоял и с расширенными глазами ждал ее. Альдона увидела за хлевом вооруженных мужчин. Они шли гуськом, согнувшись, по четыре. Бандиты не видели любовников, они не ожидали, что кто-то может быть в саду.

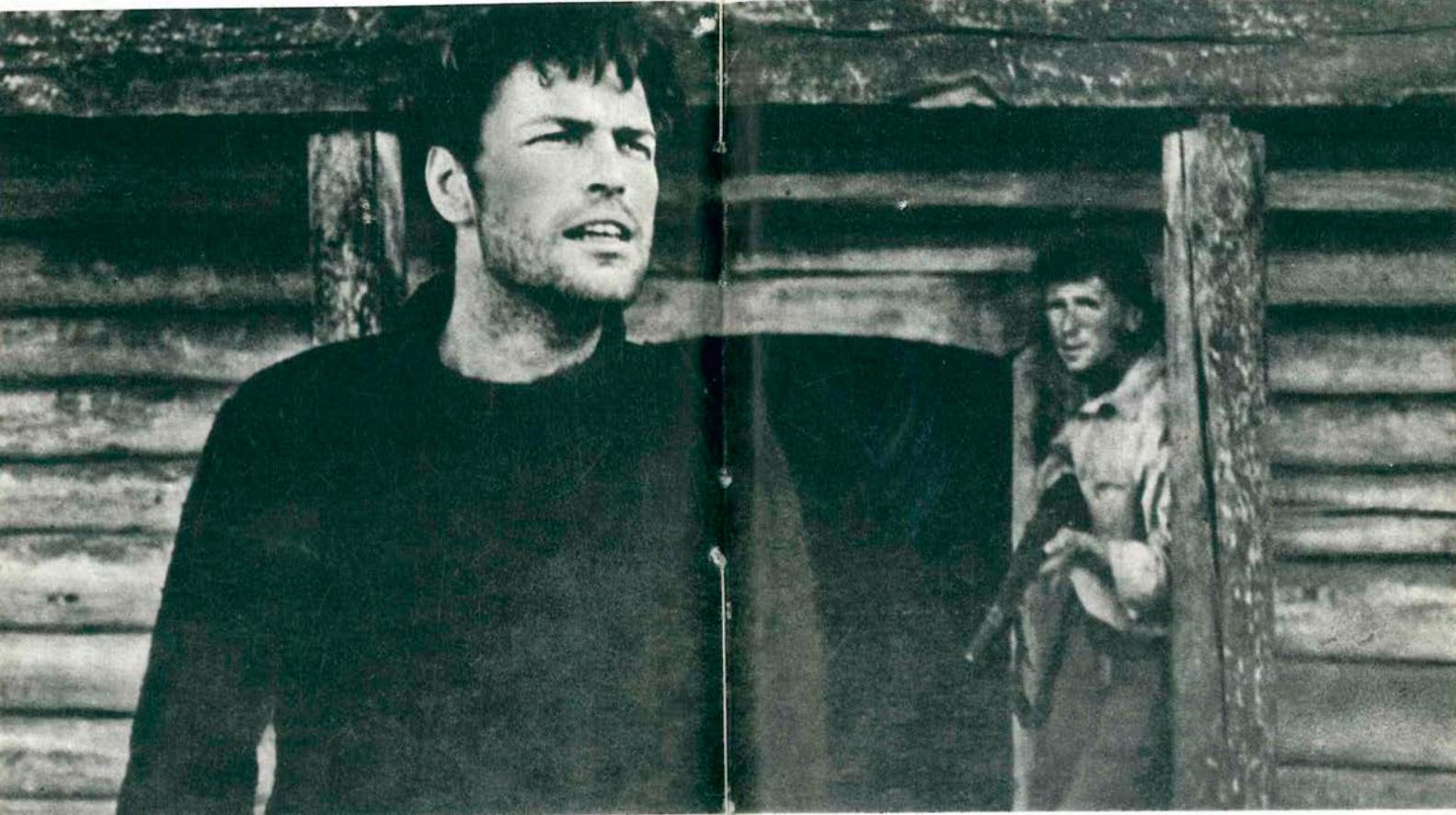
А Вайткус сидел в конторе за председательским столом и писал на полях счета: «Я хотел быть для вас своим»... (зачеркнул) «честным» (зачеркнул) «настоящим»...

Больше он ничего не успел. Прозвучал первый в это утро выстрел, и перо остановилось.

Апуокас еще раз выстрелил в окно. И еще раз. После каждого выстрела тело Вайткуса вздрагивало, как от удара.

По площади рассыпались бандиты. Они разделились на две группы и стали окружать избу Локисов.

Миколас топтался у чердачного окошка. Он держал ружье наизготовку, но не мог найти очки. Потом он увидел их — очки висели на гвозде.

— В подвал, мать! — Бронюс спустил мать в подполье, прямо на руки Яуниса. Потом схватил Альдону, но та сопротивлялась, что-то кричала. Бронюс закрыл ей рот губами, поднял с земли и толкнул в подвал. Яунис захлопнул дверь и придвинул к ней стол. Посыпалось оконное стекло. Локисы несколько раз выстрелили и выскочили из дома:

— Собирай людей в притвор! — крикнул Бронюс Миколасу.

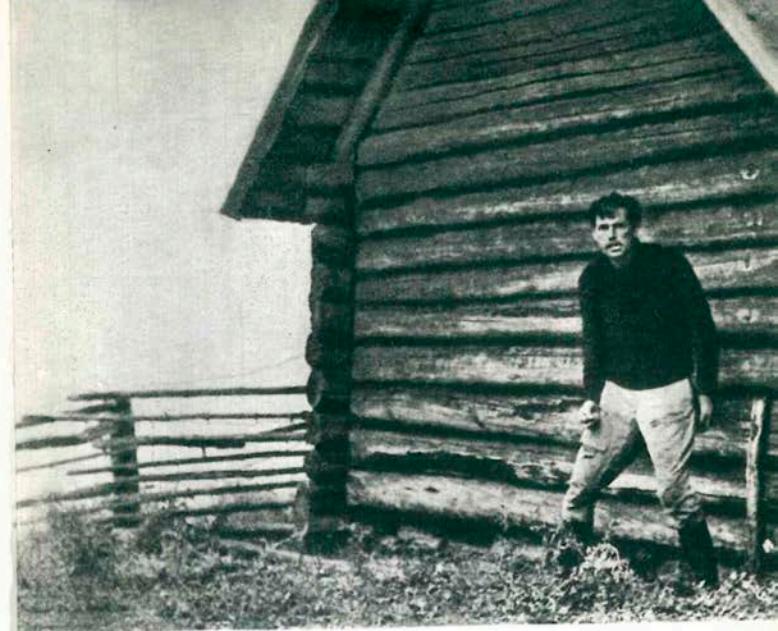
Из хаты Марцинкуса выбежали два милиционера. Один из них был в исподнем. Они бросились за Бронюсом. Яунис охранял Бронюса сзади. Бронюс стрелял из двух винтовок. Вдруг Яунис вцепился в руку брата:

— А Донатас?! Пресвятая дева!

Он так и крикнул: «пресвятая дева».

— Беги! — рявкнул Бронюс, и тот сломя голову бросился через забор.

А Донатас лавкой выбил окно клети, побежал по карнизу и спрыгнул вниз. Упав на четвереньки, он увидел перед собой Апуокаса. Донатас был весь в крови. У него были разбиты руки, падая, он разодрал лоб и поцарапал грудь. Он отскочил в сторону и перемахнул через забор. Апуокас бросился вслед. Донатас не знал, куда деваться. Он слышал, как отстреливаются братья — значит, живы, но выскоить на площадь не решался. Он мог привести Апуокаса в дом Локисов и боялся, что найдет там мать. И Донатас Локис вертелся в заколдованным кругу между клетью, хлевом и огородом Марцинкуса. Потом Донатас бро-

сился в избу Марцинкуса. Марцинкене восклинула:

— Уходи! Накличешь несчастье!

В избу вбежал Апуокас. Донатас вывалился во двор, выбив оконную раму. Охота кончилась. Донатас остановился возле изгороди и отряхнулся. Он был весь мокрый. Силы его еще не оставили, но он не знал, куда бежать. Смотрел, как приближается Апуокас. Под рукой не было ни кола, ни камня. Он подумал, что Апуокас приблизится и ударит его кулаком. Но бандит хотел другого.

— Проси, проси, — повторял он. — Проси, как я тогда.

Донатас сыпал ругательствами. Он думал разозлить Апуокаса, чтобы тот подошел и ударил его, но Апуокас хотел другого.

— Проси!

Донатас бросился бежать, но Апуокас жаждал возмездия за свой страх. Он приставил приклад к плечу и прицелился Донатасу в сердце.

— Проси!

Донатас показал Апуокасу язык. Как мальчишка. Апуокас выстрелил, и Локис поскольз-

нулся, упал на землю. Таким его и увидел Яунис. Стоящего на четвереньках. Яунис выстрелил, почти не целясь, и снес бандиту половину черепа. А Донатас был еще жив. Когда Яунис наклонился над ним, Донатас прошептал:

— Вот... тебе и Юрьев день...

Яунис схватил брата за плечи, положил его на спину, чтобы тому было легче дышать, и Донатас умер.

В притворе вокруг Миколаса собирались мужики. Здесь были и Юргинис и Виржис со своим. Они залегли за каменной оградой и начали стрелять куда попало. Бронюс вместе с милиционерами и Яунисом забаррикадировался во дворе магазина. Часть бандитов отступила, и на площади их стало меньше. Правда, и одного милиционера уже не было. Того, который выбежал в исподнем.

— Где Домовой? — повторял Бронюс.

В хату Марцинкуса вошел святой Юозапас в мундире, с русским автоматом в руке. Марцинкене упала на колени.

— Куда спрятала мужа?

— В город уехал, — солгала женщина и прекрестилась.

Юозапас переложил автомат в левую руку, схватил палку и ударил женщину.

— Пресвятая богородица! За что?

— Старик твой был на мельнице вместе с Локисами. Всем один конец.

Он еще раз ударил старуху. Было слышно, как что-то треснуло.

— Пресвятая богородица!

— Куда спрятала?

Марцинкене только беззвучно шевелила губами. Она смотрела перед собой, боясь вздохнуть, раскачиваясь от каждого удара, словно плыла в лодке по волнам. А под кроватью между ботинками, узлами и прочей рухлядью краснели глаза Марцинкуса. Он лежал в полуเมตรе от жены и удивлялся ее стойкости. Он знал, что она не выдаст его, только бы бандиты не вздумали сами искать. В избу ввалился длинноволосый бандит.

— Ну, нашли Локене? — окликнул его Юозапас.

По лицу бандита было видно, что не нашли. Он сказал, оправдываясь:

— Чего там искать, поджечь избу — и конец!

— Все надо самому делать, — пробормотал Юозапас. Отдал бандиту палку и наказал: — Бей, пока не скажет.

Когда главарь ушел, бандит еще раз проехался палкой по спине женщины.

— Пресвя...

— А что ты должна сказать?

— Не знаю, пресвя-я-тая...

Бандит не знал, чего требовать.

— Ложись на спину, — приказал он. И перевернул женщину палкой, как блин на сковороде. Он глядел на ее заплаканное лицо и не мог понять, какого она возраста.

— Может, побалуемся? — спросил он.

Марцинкене молчала, скорее всего не поняла. Марцинкус громко вдохнул воздух и откашлялся. И вылез из-под кровати. Бандит только свистнул. Он был пьян.

— Вставай! — приказал Марцинкус жене. — Чего разлеглась?

— Выйди, — приказал ему бандит. — Без тебя обойдемся.

Он замахнулся, но Марцинкус схватил его за руку и испуганно спросил:

— Как это — обойдетесь?

Бандит пнул Марцинкуса в живот. Тот застонал.

— Пресвятая! — Марцинкене села, но встать не решалась.

Марцинкус подпрыгнул на одной ноге, на другой и вдруг сказал:

— Не позволю, разбойник,— и ударил бандита по голове.

— Вот тебе по-литовски,— обрадовался Марцинкус, когда тот упал. — По-литовски! Вот! Вот!

Потом прижал коленями грудь бандита и замолотил то левой, то правой рукой, как цепом.

— Мотеюс, — вмешалась жена.

— А ты хотела, чтоб он на тебе так сидел? Закрой двери!

Жена заперла двери, а Марцинкус все работал. И перестал только тогда, когда уже не мог поднять руки. Обычно сухие и костля-

вые, они набухли, как булки. От сладкой боли Марцинкуса тошило. Крестьянин долго стоял на коленях и не мог подняться. Жена взяла его под мышки и подняла. Оба смотрели на мертвеца, и было видно, что страх постучался в их двери.

— Пресвятая...

...Жена Юозапаса, сестра Юозапаса, любовница Вайткуса сидела в бричке и глядела с холма на деревню. Она слышала, как стреляют. Знала, что Вайткус не вернется. Но одной ей некуда было ехать. Вдали на большаке показалась машина.

В кабине дремал секретарь. Он проснулся и сказал шоферу:

— Мотор трещит, братец.

Тот выключил мотор, прислушался.

— В деревне, кажись, трещит. Стреляют. Машина остановилась возле телеги Оны. Секретарь высунулся в окошко.

— Кто стреляет?

— Друг в друга,— ответила женщина.

Секретарь заглянул в кузов, где сидели милиционеры.

— Если стреляют, — значит, живы, — обрадовался он.

Когда машина подъехала к притвору, милиционеры начали стрелять в воздух.

— Ура!— Миколос с крестьянами бросились к воротам, и бандиты пустились бежать в поле. Те, которые успели добежать до оврага, остались живы.

Грузовик въехал на площадь и остановился. Выскочил секретарь. Вокруг машины столпились милиционеры. Было слышно, как где-то за притвором стреляют люди Миколаса.

Милиционеры стояли и не знали, что им делать.

Юозапас-Домовой вышел из мастерской сапожника и увидел милиционеров. Оглянулся. Понял. Поднял автомат и выстрелил. Милиционер, стоявший рядом с секретарем, зажал руками уши и упал, не услышав собственного стона.

Милиционеры оглянулись и выстрелили в воздух.

Вокруг никого не было видно: ни своих, ни чужих...

Юозапас-Домовой выстрелил еще раз. В том, как он нажимал курок, чувствовались навыки старого солдата. На лбу его вздулись вены.

Еще один милиционер схватился за бок и замотал головой. Казалось, его ударило электрическим током. Стреляя в стороны, милиционеры бросились вслед за секретарем к дому Локисов.

Бронюс воспользовался паузой и, подпрыгивая на одной ноге, снял ботинок и выплыснул из него воду. Потом обулся и взялся за винтовку.

Увидев бегущих милиционеров, Юозапас переключил автомат, чтобы стрелять сериями. Но в это время пуля разбила окно мастерской над самым его ухом. Юозапас присел. Бро-

нююс выбежал на площадь и, хромая, бросился к машине.

С другой стороны к машине бежал Юозапас. Бронюс первый добрался до грузовика и повел машину на Юозапаса задним ходом. Тот отступил к конторе.

Альдона поднялась из подвала и стала выталкивать самого высокого милиционера на площадь. Милиционер приложил винтовку к плечу.

— Что ты собираешься делать? — спросил секретарь.

Все стояли у окна и следили за площадью.

— Уложу этого хромого, который в машине.

Альдона и секретарь навалились на милиционера и еле вырвали из его рук автомат.

Машина оттесняла Юозапаса к сеновалу. Юозапас выстрелил. Машина рванулась вперед и, сделав круг, повернулась к Юозапасу. Юозапас снова выстрелил, вбежал на сеновал, заперся там. Машина высадила двери сеновала, выломила вторые и прошла насквозь. Юозапас-Домовой прижался к стене и снова выстрелил. Машина ударила о столб и остановилась. Бандит стоял, наставив оружие, и ждал, когда выйдет Локис. Бронюс вылез через вторые дверцы. Бандит пригнулся и выстрелил. Из простреленной покрышки со свистом вырвался воздух. Локис вытащил револьвер и двинулся на Домового. Он успел выстрелить первым. Выстрелил два раза, обеими руками держа деревянную ручку

револьвера. Бандит охнул. Казалось, удивился, почувствовав, что пуля пробила спину. Уронил оружие, схватился одной рукой за живот, второй за ребра.

Когда Локис подошел к лежащему, Домовой застонал:

— Не знаешь... Не знаешь, какая боль...

— Нет,— сказал Бронюс.— Не знаю.

Было видно, как глаза Домового заволакивает смерть. Собирались люди. Пришли Миколос, Яунис, секретарь. Усталые, они окружили убитого и смотрели. Показалась Альдана, но не приближалась. Она пришла поглядеть на живых.

— Радуйтесь,— прошептал Домовой.

Во всяком случае, так всем послышалось.

Выглянуло солнце, и деревня проснулась во второй раз. Люди заговорили в голос и столпились вокруг домов, словно весной. Чинили сломанные заборы, вставляли окна. Вокруг стучали топоры. Женщина с мальчишками несла свежесколоченный гроб. Марцинкус шагом победителя шел прямо к Локисам. Руки его были подвязаны к шее пестрыми платками. Локисы стояли рядом с секретарем в окружении крестьян. Все смотрели, как четверка запряженных лошадей тащит грузовик. Шофер через окно кабины махал кнутом. Братья встретили Марцинкуса с торжественными лицами. Крестьянин смущился.

— А что было делать?

Мужчины хотели, нё разевая ртов:

— Ох-хо-хо!

— Какой же из тебя теперь работник? — спросил Миколас. — Даже штаны не застегнешь. Баба должна ходить следом.

— Охо-хо-хо!

— Смейтесь! — разозлился Марцинкус. — А что было делать?

— Если бы не Марцинкус, — вмешался Бронюс. Он стоял, опираясь на палку, — если бы не Марцинкус и не секретарь с милицией, нам пришлось бы туго. Не так ли?

Секретарь смущился.

— Растерялись поначалу. Мы совсем по другому делу ехали, — пояснил он. — За Донатасом. А вот как все это кончилось. Ошибкой.

— Его ошибка его погубила, — сказал Миколас. — И спасла нас.

Всем хотелось думать, что Донатас сам виноват в своей смерти.

— Снова без председателя остались, — неожиданно попал в точку Марцинкус. Все вспомнили Вайткуса.

— Домового больше нет, — сказал секретарь Марцинкусу. — Может, теперь пойдешь в начальники?

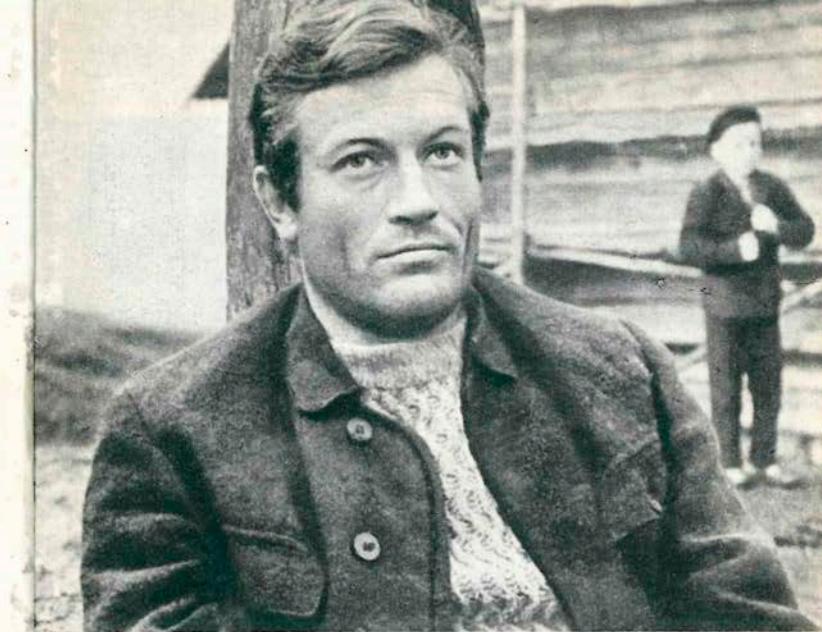
Марцинкус отрицательно покачал головой. Видно, не решался. Снова покачал:

— Нет. Нет-нет!

Кто собирался в город, влез в машину. Шофер напоил лошадей и нажал гудок.

— Откуда взялся этот Домовой? — спросил секретарь у Бронюса. — Не узнавал?

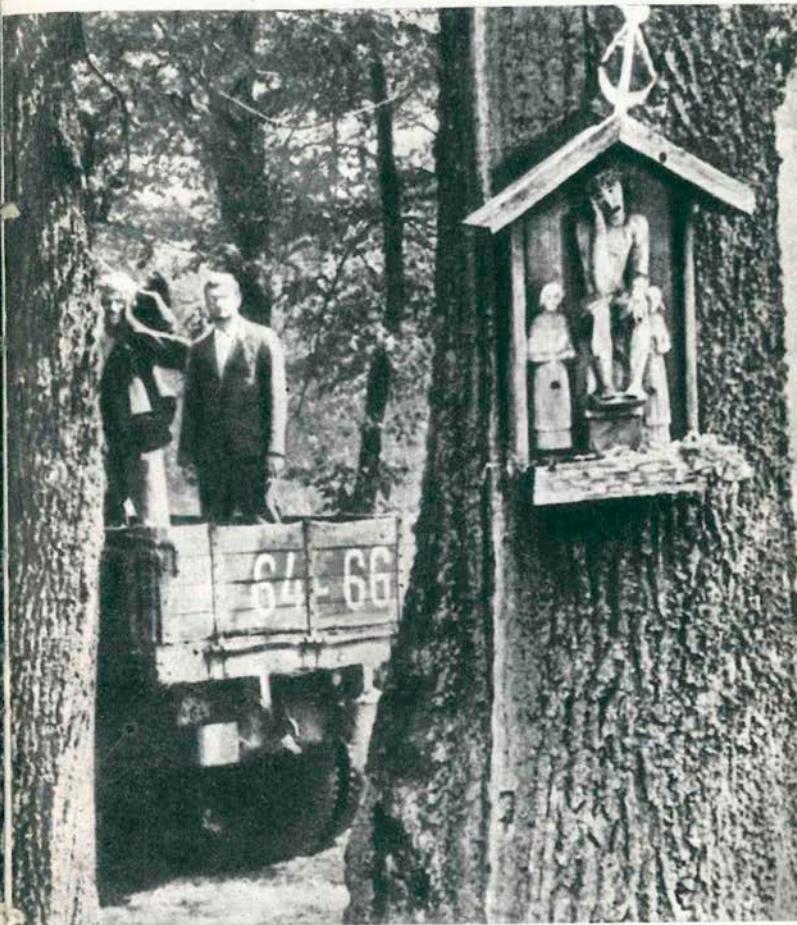
— Жена его... Сестра его говорит, он служил в немецкой военной полиции. Был охранником в Майданеке.

Запахло ромашками. Альдона подошла и тихо встала за спиной Бронюса. Он обнял ее. Пришел Яунис с деревянным чемоданом и забрался в кузов.

— У нас дома будут два профессора, — сказал Бронюс, ткнув пальцем в Яуниса. Тот глядел на окна избы. Он знал, что за пыльными кружевами стоит мать. И крестит его на дорогу. Молчаливая и мудрая.

Лошади потянули машину. Шофер улыбался за ветровым стеклом. Мужчины сидели в кузове и смотрели, как удаляются от них оставшиеся на площади.

— Крови много пролито,— сказал секретарь.— Может, тем, которые не видели своими глазами, покажется, что мы не знали ей цену, а?

В разоренной мастерской сидел сапожник, во рту он держал гвозди. Перед ним стояли выходные ботинки Вайткуса. Он поднял голову и посмотрел на проезжающую машину. Грузовик выкатил на пригород.

— Кто возьмется взвесить?— неожиданно вмешался крестьянин. Он был стар, с выдубленным от ветра лицом. Он должен был пригнать лошадей из города.— Кто может взвесить? Разве раньше иначе было? За жизнь всегда приходилось расплачиваться.

По лесной дороге четверка лошадей тащила помятый «форд». Мужчины сидели в кузове и слушали Яуниса. Тот размахивал руками. Показывал: «Вот здесь Донатас остановил телегу». Мужчины смотрели и ничего не видели. Яунис тоже знал только часть правды. Он тогда видел, как Донатас и бандит направились в лес. Потом услышал выстрелы. Потом Донатас вернулся один.

В кустах сидел кролик и глазел на лошадей, которые тянут машину. Потом подпрыгнул и побежал по дорожке, ведомой ему одному. Не озираясь. Весь — уши.

ФИЛЬМОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Фильм по сценарию В. Жалакявичюса «Никто не хотел умирать» поставлен на Литовской киностудии в 1965 году.

Режиссер-постановщик — В. Жалакявичюс. Главный оператор — И. Грицюс. Художники — В. Калинаускас и А. Ничюс. Композитор — А. Апанавичюс. Звукооператоры — Ю. Батунерис и Д. Ожековас.

Главные роли исполняют: Отец, которого убили, — К. Виткус; его сыновья — Р. Адомайтис, И. Будрайтис, А. Масюлис, Б. Оя; их мать — Е. Шульгайте; председатель — Д. Банионис; Она — В. Артмане; Альдона — Д. Баукайте; секретарь — А. Шурна; Марцинкус — Б. Бабкаускас; Святой Юозапас — Л. Норейка.

Витаутас Пранович Жалакявиčюс

НИКТО НЕ ХОТЕЛ УМИРАТЬ

М., «Искусство». 1966 г., 144 стр. С (Лит) 2

Редактор И. Н. Владимирцева

Оформление художника Е. И. Агроскина
Художественный редактор Г. К. Александров

Технический редактор Н. В. Муковозова
Корректоры Л. И. Сизова и Г. Г. Харитонова

Подп. в печ. 2/8 1966 г. Форм. бум. 70×90^{1/16}.
Печ. л. 4,5 (условных 5,27). Уч.-изд. л. 5,72.
Тираж 30 000 экз. А16769. Изд. № 15677.
Зак. тип. № 563. Цена 33 коп. «Искусство».
Москва, К-51, Цветной бульвар, 25. Типография им. К. Пожелы, Каунас, ул. Пушкина 11.